

Владимир Павшук

СИГНАЛЬЩИК

ИЗ 1942-ГО

Братии
молодець
Будуотече
судачекасе!

Абгор.

БД

28.01.2014г.

Владимир
Павшук

СИГНАЛЬЩИК

из 1942-го

Сборник
художественно-документальных
повестей

Волгоград
2013

**Александре Владимировне
КУЗНЕЦОВОЙ –
сталинградке, патриоту,
матери – посвящается**

Во дворе дома, где жила семья Кузнецовых, солдаты рыли траншею. Июльский зной уже иссушил землю, она поддавалась лопате трудно, и бойцы в сердцах ругались.

Привел их долговязый и совсем еще «зеленый» лейтенант. Пока раздавали шанцевый инструмент да размечали место, мальчишка-лейтенант был деловит и энергичен. А тут вдруг оказался не у дел. Покрутился-покрутился, а потом сел у сваленных в кучу гимнастеров, расстегнул планшет и стал что-то чертить огрызком карандаша.

Михайловна, соседка Кузнецовых, любопытная старуха, осторожно подступилась к лейтенанту:

– Ты бы, сынок, ушел с солнцепека в холодок. Что жариться-то?!

Лейтенант взглянул на мелькающие потные спины солдат, вздохнул и утер рукавом лоб:

– Попозже, бабуля, в холодок. Вот закончим траншею...

– А зачем вы ее роете? – наконец сорвался с языка Михайловны мучивший ее вопрос.

Лейтенант ничего не ответил, поднялся, тщательно разогнал складки под ремнем и скомандовал мальчишеским фальцетом:

— Переку-у-ур!..

Александра Владимировна Кузнецова работала в двух шагах от дома, и, когда в обеденный перерыв прибежала накормить ребятшек, Михайловна поспешила сообщить ей новость.

— С утра долбят, весь двор перековыряли. Ой, не к добру это!.. — докладывала торопливо соседка.

— Да брось ты, — махнула рукой Александра Владимировна. — Далек фашист, чего беду-то кличешь...

А самой вспомнился недавний разговор с братом.

Николай работал в райкоме партии. Должность у него была хлопотная, потому они и раньше виделись редко. Ну а как фронт подступил ближе к Сталинграду, Николай совсем пропал. Но вот на днях выкроил минутку, заехал.

— Ну, рассказывай, как вы тут?

— Все по-старому, Коля, — ответила Александра Владимировна. — Живем потихоньку. Работать я устроилась. Полы мою, бумаги разношу. Паек дают хороший, да и рядом. Ребята под каким-никаким, а контролем... Иринка — годовалая дочка племянницы — у нас. Сама-то Галя на санитарном поезде ездит...

Илларион Дмитриевич, ее муж, тяжело болел. Бывшего артиллериста подчистую освободили не только от воинской, но и от какой бы то ни было трудовой повинности.

— Болезнь его вконец замучила, — рассказывала Александра Владимировна брату. — Месяца три назад вызывали в военкомат, там какую-то часть срочно формировали. Так полковник сначала обрадовался, что он артиллеристом в армии служил. А как узнал про болезнь, обозлился: «Черт бы побрал твою болячку! — кричит. — Нам завтра в бой, а кто мне немецкие танки жечь будет?». Лара домой пришел сам не свой...

Николай слушай, кивал лобастой головой, а думал о чем-то своем. Потом спросил неожиданно:

— Эвакуироваться думаете?

Александра Владимировна внимательно посмотрела на брата:

— Не верю, Николай, что придут сюда фашисты. Хотя я не военный человек, баба, а не верю... Под Москвой их разбили, и опять разобьют! Силы у русского человека хватит.

— Насчет силы, это ты, Шура, точно сказала, — Николай повеселевшими глазами глядел на сестру. Они были с ней очень похожи. Оба невысокие, широкие в кости. Александра Владимировна к своим сорока годам успела и дородность приобрести и выглядела, что называется, настоящей русской «бой-бабой».

— И легко ли срываться с места. Славику пяти нет, Валюшке семь лет, Володя чуть старше... Тут еще Лара еле ходит... Куда я с ними уеду?

... К вечеру солдаты закончили работу. Поперек двора протянулась глубокая узкая щель. А утром среди тополей, там, где хозяйки обычно развешивали для просушки белье, задрали в небо тонкие жала зенитные орудия.

* * *

В августе 42-го фашистские самолеты все чаще стали показываться над Сталинградом. В небе завязывались стремительные воздушные бои.

В доме Кузнецовых был подвал, срочно переоборудованный в убежище. Но Александре Владимировне вырытая во дворе глубокая щель казалась более надежной. Ее свекор, умерший в конце весны, в свое время не пропустил ни одного фильма-кинохроники о боях с фашистами в Испании. Картины бомбежек Мадрида, когда рушились, словно карточные домики, многоэтажные здания, потрясли его, и убежищ под домами он больше не признавал, называл их «могильниками». Слова свекра так врезались в сознание Александры Владимировны, что теперь по сигналу тревоги она уводила свою семью в траншею. Но большинство жильцов прятались в подвале.

Если взрослые понимали серьезность происходящего, то с детворой не было никакого сладу. Мальчишки успели перезнакомиться со всеми зенитчиками. И когда батарея вела огонь, удерживать сорванцов в убежище можно было только силой.

Утром 23 августа Александра Владимировна собралась навестить свояченицу. Наскоро приготовила завтрак, но будить ребят пожалела.

— Лара, завтрак на столе, покормишь ребят и сам поешь, — наказала мужу и заторопилась, потому что путь предстоял неблизкий.

Выйдя на крыльцо, зажмурилась. Из-за Волги выкатывалось солнце — огромное, слепящее. Его лучи зажгли воду в плескавшейся под кручей Царице.

— Денек обещает быть отменным, — поздоровавшись, сказал Александре Владимировне один из зенитчиков, сам красный, как огонь, щедро одаренный веснушками и рыжей лохматой шевелюрой.

Кузнецова рассчитывала быть дома к обеду, но словоохотливая свояченица все не хотела отпускать, да и то понятно — в кои веки увиделись. Самого Николая дома не было, впрочем, к этому в семье брата уже привыкли.

Воздушная тревога застала ее на обратном пути, в центре города. Вой сирен звучал как-то особенно надрывно и слитно, будто огромная толпа плакальщиц заполонила вдруг улицы, вытесняя с них все другие живые звуки.

«Дети! Скорее к детям!» — успела подумать Кузнецова, прежде чем мир вокруг нее раскололся надвое — на то, что было до сигнала тревоги, и на то, что началось после него. Оглушительный взрыв бросил ее наземь, на мгновение парализовал дыхание, зрение. Не помня себя, она попыталась встать, куда-то бежать, но взрывы следовали один за другим, и ей показалось, что невидимые силы вколачивают ее в землю. Кто-то рванул Александру Владимировну за плечи и прокричал в самое ухо: «В убежище!.. На улице оставаться нельзя!». Но она снова вспомнила, что там, за вспучивающейся, громыхающей, изрыгающей огонь стеной остались дети, которые ждут ее помощи. И Кузнецова пошла, нет — откуда силы взялись — побежала на эту стену....

А тем временем Валька с Володькой и соседским Мишкой пробирались через чердак на крышу. Одна бы Валька, конечно, не решилась, потому что на чердаке темно. Но рядом были брат

с Мишкой, а они на целых три года старше ее, поэтому с ними она не боялась ничего. Они выбрались на крышу как раз в ту минуту, когда на расплывающийся в летнем мареве город заходили армады фашистских бомбардировщиков.

– Смотри! Смотри! Вон самолеты летят! – показал рукой заметивший их первым Мишка.

– Как их много!.. – испугалась Валька.

Все пространство до самого горизонта было забито «юнкерсами». Они надвигались зловещей гудящей тучей.

– Гляди, гляди – сюда поворачивают!..

Часть «юнкерсов» отвалила в сторону.

– Как они страшно гудят! – Валька схватила Володьку за руку.

Самолеты с воем вошли в пике.

– Я боюсь! Ма-а-ма! Ма-а-мо-чка!..

Плача и сшибая в кровь колени, ребятишки кинулись по чердаку вниз. Дом дрожал и шатался от первых бомбовых ударов...

Александра Владимировна нашла детей с мужем в щели, под бревенчатым в три наката укрытием...

Весь день гитлеровские стервятники терзали город. А когда поздно вечером Кузнецовы рискнули выбраться из траншеи, то на месте своего дома увидели только груды обломков. Коптящими свечками торчали из земли тополя.

– Там же люди, Лара! – вскрикнула Александра Владимировна, оглядываясь на мужа, и рванулась к разбитому дому.

Соседний дом уцелел, но стоял как-то странно, скособочившись, без крыши и с вырванными взрывной волной оконными рамами.

Посоветовавшись с соседями, Кузнецовы решили остаться на первое время под навесом, в щели. Вместе с другими семьями снесли туда кое-что из вещей, занавесили вход – получилось подобие землянки. Расположилось в ней человек двадцать – и стар, и млад. Теснота не мешала, напротив – как-то объединяла их всех, оставшихся без крова, перед надвигающейся бедой.

Бои за Сталинград разгорались день от дня. Не добившись успеха на северной окраине города, гитлеровцы сосредоточили свои действия в центральной его части: с запада и северо-запада. 4-я немецкая армия под командованием Гота соединилась с 6-й армией Паулюса, образовав мощный ударный кулак. Пехотная дивизия этих армий 2 сентября 1942 года начала наступление по шоссе Калач – Сталинград. Фашисты поставили своей целью овладеть центром города, захватить волжскую переправу и разрезать оборону советских войск на две части...

Утром Александра Владимировна увидела – бойцы выкатывают зенитные орудия на прямую наводку.

– По танкам бить будут, – безошибочно определил муж и скомандовал: – А ну-ка в укрытие. Судя по всему, тут сегодня бой будет серьезный...

«Все-таки дошла к нам война, – печально подумала Александра Владимировна, обнимая прижавшихся к ней детей. – Пожалуй, напрасно брата не послушалась, не уехала за Волгу. А теперь поздно – которые сутки вода в реке горит, и людей видимо-невидимо на переправе побито...».

Рядом ударили разом зенитки – коротко, часто, словно что-то пережевывали зло.

Илларион Дмитриевич осторожно выглянул из траншеи, некоторое время вглядывался во что-то невидимое для остальных собравшихся в укрытии, потом виновато оглянулся на жену:

– Я наверх... Может, чем помочь ребятам надо.

Они с Александрой Владимировной научились понимать друг друга с полуслова.

– Только берегись там, – попросила она тихо. – С твоей болезнью много не навоюешь...

Как ни бодрился Кузнецов, то, что он увидел наверху и о чем не сказал жене, обожгло его душу безысходностью. Опытным взглядом артиллериста он определил сразу – зенитчикам, на позиции которых, лязгая гусеницами, надвигались не менее десяти

танков, долго рубежа не удержать. В расчетах уже появились убитые и раненые.

— Почему вы здесь? Вернитесь в укрытие! — нервно приказал ему лейтенант.

— Я — наводчик. Разрешите встать к орудию?! — попросил Илларион Дмитриевич и мотнул головой в сторону укрытия. — Там моя семья...

Видно, его глаза убеждали больше, чем слова.

— Хорошо, поступайте в распоряжение сержанта Балыбы...

Всего несколько минут передышки подарила солдатская судьба бойцам-зенитчикам.

Кузнецов увидел — два бойца связывали телефонным проводом рубчатые гранаты-«лимонки».

— Приготовиться к бою! Приказ — ни шагу назад! — послышался мальчишеский голос лейтенанта.

Метрах в пятистах показались танки. Вслед за ними из оврага высыпали автоматчики.

Длинный ствол головного танка осиным хоботом выискал цель. Выстрела Илларион Дмитриевич уже не слышал. Спрессованным до гранитной прочности воздухом его ударило в грудь, хлестнуло, оглушая, по перепонкам. Задыхаясь и кашляя от нестерпимо резкого запаха тола, он попытался встать, опираясь на руки. И увидел — правый рукав быстро набухал кровью. «Ранен!» — Кузнецов перевернулся на бок и медленно пополз к щели...

Александра Владимировна сначала увидела ноги мужа, царапающие по стенке траншеи, потом его лицо — измазанное глиной, с проступающей болезненной бледностью.

— Я ранен, Шура, перевяжи чем-нибудь, — неестественно спокойно сказал он.

Александра Владимировна туго перетянула ему руку белой холстиной.

Притаившись в щели, жители со страхом прислушивались к звукам придвинувшегося вплотную боя. Скоро к залпам зениток, сухому стрекоту автоматных очередей стали примешиваться резкие, лающие команды на чужом языке, предсмертные крики, стоны.

«Схватились врукопашную!» — догадался Илларион Дмитриевич.

Один за другим воздух раскололи сильные взрывы. Окруженные со всех сторон зенитчики взрывали связками гранат себя иседающего врага.

Крики гитлеровцев раздались над самой головой: «Рус зольдат, выходи!.. Сдавайся!». Пули с визгом впились в стены траншеи. Еще мгновение, и в щель полетят гранаты. «Рус зольдат, выходи!».

— Лара, надень пиджак. А то увидят, что ранен — убьют, — сказала Александра Владимировна.

Муж, морщась от боли, неловко натянул пиджак.

— Здесь нет солдат! Не стреляйте! — крикнула Александра Владимировна и, подхватив на руки запеленатую в одеяло пленницу, вышла первой. — Не стреляйте! Здесь только женщины, дети и старики!..

Ближайший гитлеровец с засученными по локоть рукавами вскинул автомат. Кузнецова почувствовала каждым нервом: вот сейчас в упор ударят выстрелы... И тогда почти бессознательно, сама не веря, что может остановить смерть, она свободной рукой рванула кофточку и дала ребенку свою давно отвыкшую от детских губенок грудь...

— Не стреляйте! Это же дети! Понимаете?! Дети!

И в опьяненных убийством глазах солдата мелькнуло что-то человеческое.

Подталкивая жителей в спину стволами автоматов, фашисты выгнали их с переднего края в тыл. Проходя мимо развороченной взрывом зенитки, Илларион Дмитриевич наткнулся на убитого лейтенанта. Тот лежал ничком, цепляясь застывшей рукой за ремень полевой сумки. Оглядевшись по сторонам, Кузнецов подобрал сумку и сунул ее в узел с вещами.

На ночь им удалось устроиться у знакомых на Дар-Горе. Но утром следующего дня в двери домика забухали приклады — немцы очищали от жителей ближайšie улицы. Тут и там слышались выстрелы. Люди, подхватив немудреные пожитки, уходили из поселка в степь. Вместе со всеми ушли и Кузнецовы.

Шли от села к селу, среди выжженных прокатившимся огненным валом фронта полей. Держались бездорожья, сторонясь немецких колонн, чтобы не нарваться на беду.

На окраине какого-то села Александра Владимировна, захватив Володьку и Валю, пошла за водой к колодцу.

— Мама, смотри — девчонка... — сказала Валя.

У колодца, прислонившись спиной к деревянному срубу, сидела на корточках девчущка лет четырех, пухлощекая, с длинными льняными волосенками, и терла кулачком глаза.

— Как тебя зовут? — ласково спросила Кузнецова. — Ты чья будешь?

— Нина! — доверчиво подняла к ней заплаканное личико кроха.

— А мама где твоя?

— Маму бомбой убило. Я с тетей была, а теперь потерялась...

— Как фамилия твоей мамы, знаешь?

— Богданова. А папка мой на войне!

У Александры Владимировны сжалось сердце. «Не дам ей пропасть, возьму с собой, — решила она, не колеблясь. — Если уж суждено погибнуть, то вместе со мной».

— У меня тоже дочка есть, Валя. Вот она. Хочешь с нами жить, пока твой папка вернется?

— Хочу, — сказала девочка и спросила серьезно: — Ты будешь моей мамой, да?

— Да, родная моя... Мамой! — притянула ее к себе женщина.

— А где наш дом?

— Будет у нас свой дом, дочка, обязательно будет. А пока терпи, к нему еще долго идти надо!..

Деятельная Валюшка взяла новую подружку за руку:

— Не бойся, моя мама самая добрая...

Село поразило Александру Владимировну тишиной и безлюдьем. Она долго стучала в окно крайней избы, но никто не отзывался.

– Хозяева?! Есть здесь кто? – крикнула Кузнецова, отворяя калитку. Поднялась по скрипучим ступенькам и увидела – двери заперты снаружи на висячий замок. То же самое было в остальных дворах.

– Странно, но село совершенно пустое. Куда все подевались? – рассказывала она мужу, вернувшись. – Страшно даже...

Решили не задерживаться здесь на ночлег, а идти дальше.

Когда стемнело, набрели в крутояре на группу колхозников. У разведенных костров стояли телеги, ржали в темноте выпряженные лошади.

– Не бойтесь огонь разводить? – спросил Илларион Дмитриевич. – А ну как немцы наскочат?!

– Сейчас вся земля горит! – угрюмо ответил старик с ключковатой бородой. – Вы сами-то откуда?

– Из Сталинграда...

– Говорят, тоже от города ничего не осталось. Дымы отсель видать...

Выяснилось, люди из того самого села, что так неприветливо встретило Кузнецовых.

– В нашей деревне до войны первая бригада колхоза была, – рассказывал словоохотливый дед. – И фашист что удумал – объявили: мол, с каждого двора сдать по две пары шерстяных носков да по две пары теплых перчаток «для нужд доблестной германской армии». Зимы нашей боится немчура, заранее решили запастись. Ну, мы на собрании и решили – лучше уйдем с насиженного гнезда, чем помогать фашистам. У меня сыновья на фронте, так что, немец в моих рукавицах будет в них из винтовки целить? Не бывать этому...

– И куда же вы теперь?

– Не знаем пока. Своя земля вокруг, родная – приютит...

Александра Владимировна укладывала детей спать, а муж, придвинувшись к огню, разбирал сумку убитого лейтенанта. Командирское удостоверение, комсомольский билет, письма, карандаш, записная книжка... На одной страничке Илларион Дмитриевич увидел строчки стихов, наклонился еще ближе к огню и прочел вслух:

Я Родины сын
И она мне как мать.
В бою я не буду
Назад отступать.
И если погибну в жестоком бою,
Скажите словами народу:
«Он честно, достойно отдал
Жизнь свою
В боях с врагом за свободу!...».

— Это, наверное, его стихи, Лара, — тихо прошептала Александра Владимировна. — Какой замечательный человек погиб. А совсем школьник еще был. Прогонят немцев, напишу матери, расскажу, как геройски сражался ее сын...

Кузнецов аккуратно завернул документы лейтенанта в бумагу, сверху перевязал платком. Офицерскую сумку, чтобы не вызывать подозрений у врага, бросил в костер.

* * *

В хуторе Кузьмичи фашисты установили шлагбаум. Ощетинившиеся пулеметными стволами и обложенные мешками с песком укрепления охраняли въезд в запретную зону. Беженцам, которых к этому времени здесь скопилось несколько сот человек, отвели бывший колхозный полевой стан. Кроме ветхого сарая, никаких других строений на полевом стране не было, и люди устраивались прямо на земле, разобрав копну прошлогодней соломы.

У хутора, в балке, Александра Владимировна встретила девочку, по виду — ровесницу дочери. Та, наклоняясь, перебирала брошенные немецкой солдатней пустые консервные банки в надежде найти что-нибудь съедобное. Кузнецова окликнула ее. Девочка подошла, немного дичась.

— Что ты здесь одна делаешь?

— Я не одна, у меня сестренка есть...

— А где она? Позови!...

Девочка убежала и через несколько минут привела сестру —

года на два постарше. Сестры рассказали, что их маму убили немцы, а отец — на фронте.

— И куда же вы теперь идете?

— Не знаем...

«Сколько же таких бездомных детей ходят сейчас по дорогам, — горестно подумала Александра Владимировна. — Проклятый Гитлер!.. Возьму их с собой: где пятеро, там и семеро».

Она хотела погладить старшую девочку по голове и невольно отдернула руку — в волосы набились насекомые.

— Ой, да вас стричь надо немедленно! Ну, не горюйте — до свадьбы далеко, еще во какие косы отрастут...

Одолжив ножницы, Александра Владимировна коротко остригла сестер, а заодно с ними и остальных ребятишек. У кого-то нашлось немного керосина. Кузнецова смочила ладони и намазала головенки детей.

— Ну вот, теперь к вам никакая зараза не пристанет, — и не удержалась от улыбки: — Старушки вы мои дорогие...

В самом деле — подвязанные платочками Валя, Ниночка и Капа с Лилей сейчас походили на маленьких и очень серьезных старушек.

Надо было подумать, чем кормить неожиданно выросшую семью.

Накануне немцы застрелили лошадь одного из беженцев. И сейчас поодиночке люди тянулись к этому месту — голод брал свое.

Подавив отвращение, Александра Владимировна тоже отрезала кусок конины и, набрав в котел воды, поставила на огонь. Костер разгорался медленно, дрова от дождя отсырели, шипели и потрескивали. Так же невесело текли и мысли Кузнецовой. На руках теперь семеро ребятишек, а не за горами зима — без теплого угла и крыши над головой им не выжить.

«Осмотримся здесь еще денька три, и надо будет перебираться куда-нибудь к жилью», — решила она.

Но уходить им пришлось гораздо раньше, чем предполагала.

Погруженная в свои раздумья, Кузнецова не заметила появления патруля.

Поравнявшись с костром, патрульный неожиданно кованым сапогом ударил по котлу. Вода, шипя, залила огонь.

Илларион Дмитриевич вскочил, хотел что-то сказать немцу, но жена загородила его:

— Прошу тебя, не связывайся. Фашист — он и есть фашист, что с него взять!..

Немец вразвалку пошел дальше — сытый, здоровый.

Однако дети хотели есть. И Александра Владимировна обошла беженцев, заглянула в сарай... Многие были свидетелями этого эпизода и делились последним, проклиная фашистов.

— Сталинград им не по зубам оказался, вот и лютуют!..

— А я слышал, что они уже и медали за его захват заготовили...

— Не отдадут наши Сталинград. Обком партии листовку выпустил, сам читал... Так и написано: «Лучше смерть, чем рабство! Отстоим город!..».

«А что же говорить о бойцах, если даже здесь, в лапах у врага, люди не падают духом?» — с радостью отметила Кузнецова.

И, не выдержав, воскликнула:

— Насчет медалей так скажу: другие будут вручены — за оборону Сталинграда!..

— Но силен еще немец. Вон, каждый час колонны по степи идут. И танки, и машины. А Красная Армия к самой воде прижата. Неизвестно еще, что выйдет...

Это сказал пожилой мужчина с маленьким личиком, в кубанке. Александра Владимировна уже заметила, что он давно пристально присматривается к ней. Их глаза встретились, и тот не выдержал:

— Вы, случаем, не Кузнецова?

— А что? — она внутренне напряглась.

— Нет, ничего... Просто я вас знаю! И брата вашего, который в райкоме работает...

Незнакомец встревожил Кузнецову, хотя он больше ничего не спросил, ушел в угол сарая и замолчал.

Но когда стемнело, чья-то осторожная тень пересекла двор. Человек остановился, наклонился, и Александра Владимировна услышала женский шепот:

— Вам лучше уйти! Тот, кто вами интересовался, исчез куда-то... Не к немцам ли подайся? Он днем около них крутился — как бы не донес о вашем брате...

Кузнецовы разбудили детей и, стараясь не шуметь, стали быстро собираться. Уходили в ночь, в неизвестность.

* * *

Сколько километров осталось позади, Кузнецовы не считали. Один день сменял другой. Уже чувствовалось холодное дыхание первых заморозков, а найти пристанище не удавалось. Каким-то чудом никто из детей пока не заболел, но измождены они были до крайности.

Верст за шесть до станицы Тимофеевской им повезло — казак в овечьем тулупе и мохнатой шапке согласился подвезти их.

— Не даром, конечно, — добавил он, скручивая сигарку.

— Как вам не стыдно, — воскликнула Александра Владимировна. — Какая плата?! Эти дети без родителей и без крова остались...

— Так-то оно так, да только сейчас всяк о себе прежде думает...

Кузнецова размотала с головы цветастую шаль и протянула казаку:

— Возьмите это...

Возница придирчиво осмотрел шаль и натянул вожжи:

— Садитесь на подводу...

Ехали молча. Когда вдали показались крыши, казак вдруг остановил лошадь.

— Все, приехали! Слезьте...

— Почему? — удивилась Александра Владимировна. — Мы же договорились!

— Дойдете пешком, — оборвал ее казак. — Тут рукой подать.

— Но почему же не довести нас прямо до места?

— А то!.. Откуда вы и кто — неизвестно. Случись какая штука — вспомнят, что это я вас привез. Нет уж, лучше подальше от греха...

Пришлось ссаживать ребятишек.

— Ох и шкура ты! — не вытерпел напоследок Кузнецов. — С чужого горя и то шерсти клочок норовишь урвать.

— А ты сам кто? Может, офицер переодетый... А я отвечай?! Вон, рука-то не гнется, думаешь, не вижу!

Он хлестнул лошадь и погнал, не оглядываясь.

В станице им посоветовали обратиться к Варваре Золотовой — бездетной вдове. Она не откажет.

Действительно, Варвара встретила беженцев приветливо.

— А чо ж — живите! Хата большая — мне одной куда?.. Сколько потребуется — столько и будете.

Вечером, когда усталые ребятишки уже смотрели десятые сны, Варвара, развешивая у печки выстиранные детские рубашонки, спросила Кузнецову:

— Это что же, все ваши?

— Нет, моих трое. Малютка — это дочка племянницы, а остальных на дорогах нашла — сироты, — ответила Александра Владимировна, вытирая тыльной стороной ладони пот со лба.

— Боженька мой! — покачала изумленно головой вдова. — Как же вы со всеми управляетесь? И обушь-одеть, и накормить.

— Так и управляюсь! Нельзя же детей одних на погибель оставить. Со старшими еще ничего, а вот с самой крохой — трудно. Животиком, бедняжка, мается — последнее время я ее только жеванкой и кормила... Пожует хлеба и ей дашь, больше-то нет.

— Ну, тут мы ей молочка немножко сможем достать, — пообещала Варвара.

— Спасибо. А скажите еще, что за люди в вашей станице? — попросила Кузнецова.

— Какие люди? Разные... Большинство живут дружно, помогают друг дружке это лихо пересилить. А есть и такие, кому советская власть с самого начала не по нутру была. Такие сейчас перед немцами выслуживаются, некоторые даже в полицаи пошли.

Александра Владимировна рассказала хозяйке, как обошелся с ними казак с подводой.

— А... Это Шапоренков Митрий Авдеевич, — узнала Варвара. — У кого совесть захотели найти!.. Он за спасибо руки никому не подаст, не то чтобы помочь. Про него и его родню говорят, что их сам черт кочергой не достанет, толстосумов...

— А кто у вас сейчас «новую власть» в станице представляет? Сами немцы или кто из местных?

— Немцы здесь не задерживаются подолгу. Они старосту назначили — Грищенкова Петра Михеевича...

— Какой он человек?

— Петр Михеевич-то? Так себе: и немцам боится не угодить, и партизан опасается... Словом, «и нашим, и вашим»!

— Разве здесь партизаны есть?

— Есть! Вы не смотрите, что степи кругом. Партизаны по балкам прячутся — целые отряды. Намедни вон у фашистов колонну с горючим для танков сожгли, охрану перебили...

Погасили лампу, улеглись.

«Останемся здесь до весны, а там, глядишь, и немцев погонят, — думала, засыпая, Александра Владимировна. — И с хозяйкой, видно по всему, поладим».

* * *

Слух о том, что в Тимофеевской появилась женщина-сталинградка, которая собирает оставшихся без родителей ребятишек, как-то сам собой быстро распространился и по соседним станицам и хуторам. И потянулись ко двору Варвары Золотовой бездомные дети — поодиночке, парами, а то и по трое.

Кузнецова растерялась.

— Вот как получилось, — оправдывалась она перед хозяйкой. — И сами к вам без приглашения явились, и новую обузу на вас взваливаем...

— Господи, да вы что, Александра Владимировна?! — отмахивалась Варвара. — Я вам только удивляюсь — откуда у вас на

всех сердца хватает? Настоящий детский дом уже – восемнадцать ребятишек! Но и вправду – не гнать же их...

Неожиданно у Александры Владимировны появился еще один помощник.

Однажды в ворота громко и требовательно постучали. Кузнецова откинула запор и увидела перед собой двух ребятишек – очень похожих, видимо, братьев. Тот, что был повыше, спросил уверенно:

– Скажите, вы – директор детского дома?

– Какой я директор? Кто это сказал? – улыбнулась она. – Просто со мной живут дети, у которых погибли родные.

– Да? – старший смешно почесал затылок через ушанку.

Войдя в дом, мальчишка обстоятельно, по-взрослому, объяснил:

– Меня зовут Володька Шапошников. А это Генка. Его контузило, он теперь слышит плохо. Я к партизанам хотел. Но Генку как?

– Партизан... – усмехнулась невольно Кузнецова.

– Не верите?! – обиделся мальчишка. – А мне уже тринадцать, четырнадцатый пошел. Если хотите знать, я даже из винтовки стрелял!

– Это когда же?

– Отец давал. Он на тракторном заводе ополченцем был.

– А как же вы здесь оказались?

– Мы с мамкой шли, – голос мальчишки сорвался, и он сдавленно прошептал: – Ее фашисты машиной сбили, когда мы из города уходили. Мамка говорила, что здесь родственники наши живут, только мы их не нашли...

– Вот что, Володя, – положила ему руку на плечо Александра Владимировна. – Раз, говоришь, детский дом тут – быть тебе в нем воспитателем. Видишь, сколько братишек и сестреночек у тебя появилось...

Как ни выкручивались Александра Владимировна с Варварой, все чаще ребятишки ложились спать голодными.

Как-то возвращаясь от соседей, Александра Владимировна вдруг остановилась как вкопанная. Увидела у обочины дороги

Капу, Лилию и еще несколько девочек. Протянув ручонки, они что-то выпрашивали у сидевших в грузовике немецких солдат.

— Как вам не стыдно! — сгоряча отчитала их Кузнецова. — Запомните, вы — не попрошайки!.. Вы — дети героев! Ваши отцы Родину защищают — и вы никогда достоинства не теряйте.

Но, поостыв, задумалась. Дети есть дети...

— Схожу-ка я к старосте, — сказала она мужу. — Может, удастся что-нибудь из съестного для ребят вытребовать... Хоть крупы какой.

— А с чем ты пойдешь к нему? — засомневался Илларион Дмитриевич. — От имени кого требовать будешь?

— Как от кого? От имени Советской власти!

В доме старосты ей долго не открывали. Наконец впустили.

— Что-то не припомню тебя, — пригляделся староста к Кузнецовой.

— Беженка я. Со мной дети... Накормить их надо!

— Твои, что ли, дети?

— Мои...

— Сколько их у тебя?

— Двадцать четыре. Мальчики и девочки.

— А, слышал о твоём детском доме. Собирался зайти, да недосуг все...

— Так поможете с продуктами?

— Да разве на такую ораву найдешь?.. Где взять? — спрятал староста глаза.

— А в бога, вижу, веруете! — показала Александра Владимировна на иконостас в углу. — Только ведь, как у вас в писании говорится, «вера без дела мертва»... Так, кажется? Помогите детям, это вам зачтется, когда Красная Армия придет...

К ребятишкам Кузнецова возвращалась с мешком кукурузного зерна.

* * *

Приближалась 25-я годовщина Октябрьской революции, и Александра Владимировна решила устроить ребятам праздник.

Несколько дней детвора под руководством Варвары мыла, скоблила, прибирала в доме.

Кузнецова с Ниночкой Богдановой разучивала песню о Москве. Девчонка оказалась настоящей певуньей, мелодию схватывала сразу и пела самозабвенно.

А в углу, уединившись от всех, сочинял стихи восьмилетний Толик Кочкин. То и дело он подбегал к Александре Владимировне: «Мам Шур, ну, послушай!»...

На Волге-реке громы гремят —

Это наши солдаты фашистов громят!..

Получив похвал, маленький поэт вспыхивал от волнения и снова убегал в свой угол.

Вечером, накануне праздника, Александру Владимировну с таинственным видом отозвал в сторону Володька:

— Посмотрите, что у меня...

Он полез во внутренний карман старого пальтишка и вытащил маленький сверток. Бережно развернул его и показал алый пионерский галстук.

— Видели?! Я его все время с собой ношу, как батя партбилет...

Насладившись произведенным впечатлением, Володька спрятала галстук.

— Только смотри, Володенька, поаккуратней... — предупредила Александра Владимировна. — Или мне отдай галстук. Я спрячу надежно, не бойся, не пропадет...

— Нет, пусть пока у меня будет, — отказался мальчишка.

Ночью Кузнецовой показалось, что стукнула щеколда, которой запирали на ночь дверь. Она встала и, набросив кофту, вышла в сени. Нет, ей не почудилось — запор был открыт. Ёжась от холода, она ступила на крыльцо, прислушалась. Вокруг было тихо. Станица настороженно смотрела в ночь пустыми, без единого огонька, окнами.

Вернувшись в дом, Александра Владимировна обошла спящих детей. Володьки на месте не оказалось. Появился он часа через два. На цыпочках прокрался на свое излюбленное место у печки и лег, натянув с головой пальто. Успокоенная Кузнецова уснула.

7 ноября они с хозяйкой встали затемно. Замешанная в деревянной квашне опара уже подошла, и женщины принялись застряпню. Начинка тоже нашлась – отпаренная яблочная сушка. И когда дети проснулись – на столе в большой чашке высились горка румяных, аппетитных пирожков, по штуке на каждого.

После веселого чаепития устроили долгожданный концерт. Для его участников освободили место, сдвинув стол к стене.

По знаку Кузнецовой Ниночка вышла на середину комнаты и запела тонким звонким голоском:

Утро красит нежным светом
Стены древнего Кремля –
Просыпается с рассветом
Вся советская земля...

– Подпевайте, ребята! – сказала Александра Владимировна и негромко подхватила первая:

Кипучая, могучая,
Никем не победимая
Страна моя, Москва моя,
Ты самая любимая!

Вслед за Ниночкой свое стихотворение прочитал Толик Кочкин. Он смущался, заикался от волнения, но ребяташки были в восторге.

А потом, как говорится, сверх программы общим вниманием завладела Валюшка – дочь Кузнецовых. Она крутилась, как юла, выделывала ногами немислимые «па».

– А сейчас я расскажу вам сказку писателя Аркадия Гайдара о Мальчише-Кибальчише, – объявила Александра Владимировна, когда наконец этот фантастический танец закончился.

Ребяташки придвинулись поближе. И скоро вместе с Мальчишем-Кибальчишем они уже мчались вслед за отцами и старшими братьями на битву с проклятыми буржуинами, как и он, гордо стояли на допросе у Главного Буржуина, не боясь угроз и не выдав военной тайны, презирали Мальчиша-Плохиша, предавшего свой народ и своих друзей за банку варенья...

«Что же это за страна, где каждый мальчишка знает военную тайну и не открывает ее врагу даже под страхом смерти?! — воскликнул Главный Буржуин...».

В сенях неожиданно резко хлопнула дверь. Кузнецова встревоженно поднялась. Но это была Варвара, бегавшая к соседке за новостями.

— Ой, что в станице делается! — торопливо выпалила она, разматывая платок. — Кто-то ночью на крыше у старосты красный флаг повесил. Не настоящий, правда, а галстук пионерский. Староста-то утром встал, ничего не заметил. Ему уж полицай доложил потом... Часа три, говорят, флаг висел!

— И что староста? — побледнев, спросила Кузнецова.

— А ничего! Велел полицаю снять — и все. Ему же первому от немцев достанется, если узнают...

— Известно, кто повесил?

— В станице на ребят грешат. Кто еще на крышу взберется, чтоб не услышали?! Да и галстук пионерский...

Александра Владимировна посмотрела на Володьку. Тот жадно ловил каждое слово. «Он!» — окончательно убедилась Кузнецова.

* * *

Володька беспокоил Александру Владимировну все больше. Нет, помогал он ей по-прежнему добросовестно и по дому, и дров наколоть, и с детьми поиграть. Но и прежде-то не очень разговорчивый, в последнее время стал еще замкнутее. Было видно — своей новой ролью «воспитателя» малышей он тяготится. Охотнее всего брался раздобыть где-нибудь продуктов. Поначалу уходил на день — нахлобучит утром шапчонку, обмотает вокруг худенькой шеи шарф — и за дверь... А к вечеру уже дома — положит на стол котомку, скажет: «Я тут принес...», — не вдаваясь в подробности. Но потом стал прихватывать и ночь. Не пришел ночевать раз, другой... На расспросы отмалчивался.

Истинную причину частых Володькиных отлучек и его молчания Кузнецова узнала неожиданно.

Однажды на рассвете, когда она вновь ждала возвращения Володьки, вслед за ним в дом вошел незнакомый мужчина — высокий, широкий в плечах.

— Вот, я привел... — сказал по обыкновению коротко Володька и привычно замолчал.

Мужчина тщательно вытер о коврик подошвы сапог и осторожно прошел в комнату, стаскивая на ходу ушанку.

— Я из партизанского отряда, — сказал он растерявшейся Александре Владимировне. — Зовут меня Кириллом Федоровичем.

— А как вы с Володькой-то встретились? — только и смогла спросить Кузнецова.

— Это только ему самому ведомо, как он нас нашел, — потрепал Кирилл Федорович Володькин вихор. — Недели две назад явился в отряд и потребовал зачислить его в партизаны. И боевое задание попросил сразу дать. Перво-наперво предложил нам взорвать мост через ближнюю речушку, а потом напасть на фашистский штаб... Стратег, одним словом...

После этих слов Володька возмущенно хмыкнул. Насмешливый тон партизана явно расстроил его.

— И ничего смешного! — обиженно пробубнил он под нос. — Мост рвануть — пара пустяков. Я там все подходы разведаль. И сразу штаб захватить — немцы подкрепление не смогут на машинах привезти, если мост взорван...

— Ну, я же говорю — стратег! — развел руками Кирилл Федорович, улыбаясь. — А вы знаете, Александра Владимировна, рассказ о вашем необычном детском доме для Володьки как пропуск в наш отряд был. Молва о вас далеко разнеслась. Я понимаю, не успокою вас, если скажу, что Володька выполняет сейчас наши задания — собирает разведанные. Но время такое жестокое, даже дети становятся солдатами... А он — мальчишка, пройдет там, где взрослому нельзя.

Прощаясь, партизан пообещал помочь с продуктами. А к Иллариону Дмитриевичу прислать при случае отрядного доктора, чтобы осмотрел раненую руку.

– Володька о празднике говорил, который вы детям на 7 ноября организовали. Здорово придумано! Надо и сейчас о воспитании нашей смены заботиться. Спасибо вам!

* * *

Заболела Диляра – четырехлетняя девочка-татарка. Жар вишневым соком налил ее смуглые щечки, сухим блеском зажег глаза.

– Аби (бабушка), пить! – просила она тихонько.

Беда никогда не приходит одна – второй день не появлялся Володька, ушедший, как обычно, за продуктами. А потом Варвара принесла дурную весть.

– Говорят, Володьку нашего немцы в Паньково забрали. За что – не знаю, но не выдумка это. Люди сами видели, как его по улице тащили и в сарай заперли. – И, глядя на засуетившуюся Александру Владимировну, испуганно спросила: – Ты куда?..

– В Паньково!.. – Александра Владимировна, не попадая в рукава, торопливо натягивала шубейку. – Вы Диляре травку заварите сами, а я пойду...

– Куда на ночь глядя?! Дотемна все равно не успеть, – удерживала ее хозяйка. – А завтра вместе сходим, у меня знакомые в Панькове живут...

Но в Паньково идти не пришлось. Поздно ночью к ним осторожно постучали в окошко. «Может, Володька?!» – ворохнулась в душе Александры Владимировны надежда.

В клубах морозного пара вошел Кирилл Федорович, за ним еще двое партизан. Четвертый остался у крыльца.

– Дети спят, – ответила на безмолвный вопрос Кирилла Федоровича Кузнецова и провела партизан в кухню. – А у нас беда...

– Знаю, потому так неожиданно к вам, – Кирилл Федорович устало привалился к стене. – Помните, Володька при вас рассказывал о немецком штабе? Мы послали его туда на разведку, а он по собственной инициативе попытался штабные документы выкрасть. Пробрался в дом, где офицеры квартировали, тут его и схватили...

Кузнецова умоляюще взглянула на партизан:

— Надо его спасать! Ведь убьют же. Что сделать, посоветуйте?

— За тем и пришли, — ответил Кирилл Федорович. — Мы и так намеревались туда «визит» нанести, а теперь надо тем более поторопиться... Нас в Паньково не ждут, если операцию быстро провести, то и парня выручим, и кое-какими секретами заставим фрицев с нами поделиться. Где они Володьку держат, нам известно. Теперь о вас... Этот вопрос нас очень волнует!

— А что «о нас»? — не поняла Александра Владимировна.

— Трудно мне это говорить, но ничего не поделаешь, — партизан тяжело вздохнул и продолжил не сразу: — Уходить вам с ребятами отсюда надо. И чем быстрее — тем лучше.

— Зачем уходить? — испугалась Кузнецова. — И куда? Зима на дворе...

— Все понимаю. Но поймите и вы — не сегодня-завтра фашисты обязательно дознаются про Володьку: кто он, откуда... По злобе ли кто донесет, по малодушию расскажет — сами знаете, что в таком случае со всеми вами будет. После нашего налета гестапо с полицией вокруг все вверх дном перевернут, — каждый дом обыщут. Вы и хозяйку вашу предупредите — ей тоже нельзя здесь оставаться. А Володьку обязательно отобьем, слово даю! И при первой okazji за линию фронта переправим...

— Младший братишка его здесь. Как же они потом найдут друг друга? — спросила Кузнецова.

— Шапошниковы ведь с Тракторного, так?! Живы будем — поможем им встретиться.

Партизаны ушли, а Александра Владимировна подняла мужа, разбудила Варвару, как смогла — объяснила все.

— Диляра меня беспокоит. Ее никак нельзя брать с собой, такую больную...

— А вы оставьте Диляру со мной, — предложила хозяйка. — Мне тоже придется, видно, отсюда перебраться. Попрошусь к родичам на глухой хутор — примут! И за девочкой уход да пригляд будет. А там и вы вернетесь — не век же немцам нашу землю топтать.

На том и порешили.

Рассвет застал их на пути к железнодорожной станции. Неподалеку от нее пришлось остановиться и сойти на обочину, в снег, пропуская колонну фашистов.

Первыми прошли, чадя отработанными газами, танки с крестами на броне. За ними – грузовики с солдатами. Легковая машина, не по сталинградской зиме открытая, неожиданно вильнула и затормозила рядом.

Какой-то офицер, видимо, высокий чин, поднялся на заднем сиденье и несколько мгновений, не моргая, в упор рассматривал Кузнецову с детьми.

«Неужели за нами? – ужом скользнула непрошенная мысль, заставив Александру Владимировну вздрогнуть. – Да нет, быть не может... Сказано: пуганая ворона – куста боится...».

Чин что-то сказал сопровождающим его офицерам, и те подобострастно загоготали.

Длинный палец фашиста в кожаной перчатке, как пистолетный ствол, нацелился в Александру Владимировну. Маленькому храбрецу Валюхе верно показалось, что этот чужой злой дядя чем-то обидел ее маму, и она сделала отчаянный шаг вперед, загораживая Александру Владимировну. Другие дети со страхом жались к Кузнецовой. Она гладила их головы, плечи и тихонько успокаивала: «Не бойтесь, маленькие... Я – с вами!».

«Оппель» газанул и стал быстро настигать удаляющуюся колонну.

На станции стоял под парами единственный эшелон – один из тех тысяч, в которых оккупанты вывозили награбленное. Вдоль вагонов расхаживал часовой – очкастый, рыхлое тело втиснуто в мышинового цвета шинельку. Был он, скорее всего, из нестроевых.

– Попробую договориться с ним. Может, удастся сесть в этот эшелон, – сказала Александра Владимировна мужу.

Илларион Дмитриевич видел, как она что-то долго говорила немцу, жестами показывая в сторону ребятишек. Часовой сначала

ла отгонял ее от вагонов, но потом, покрутив головой по сторонам, согласно махнул рукой.

— Ох, насилиу втолковвала. По-русски совсем не понимает, пришлось на пальцах объясняться. Однако уговорила, — спеша рассказывала Кузнецова мужу. — Садимся во-о-н в тот вагон! Пойдемте, дети...

Подсаживая младших, ребяташки полезли в теплушку. «Шнель! Шнель!» — торопил часовой.

Тяжелая дверь со скрипом покатила по роликам и захлопнулась. Окон в вагоне не было, и устраиваться пришлось в крошечной тьме, на ощупь. Разместились на каких-то рогожках, между ящиками.

Скоро вагон дернулся, и состав, убыстряя ход, двинулся на юго-запад.

Сколько времени прошло, и день ли, ночь ли, они определить не могли, когда в голове состава пронзительно загудел, словно предостерегая кого-то, паровоз. Эшелон замедлил ход и остановился.

Илларион Дмитриевич осторожно потянул за ручку двери. Она нехотя подалась, и в образовавшуюся щель ворвался колючий ветер.

— Ну, что там, Лара? — спросила Александра Владимировна. Он выглянул из вагона:
— Не знаю, не видно ничего. Но, думаю, выходить нам надо, а то этак можно невесть куда захватить. Вероятно, не доезжая до станции остановились...

Причину неожиданной остановки объяснил путевой обходчик, на будку которого наткнулись вскоре. Обходчик, маленький седенький старик, рассказал им о подвиге машиниста.

— Имени не знаю, но по всему — героический был человек. Его немцы мобилизовали и заставили военный эшелон на фронт везти. Так он на станции Ключи с ходу в цистерны с горючим свой паровоз направил. Паровоз взорвался, а за ним все пошло полыхать... Сам машинист погиб, но и вреда немцам причинил много. Движение теперь надолго застопорилось...

От обходчика Кузнецовы узнали и то, что оказались они, не ведая того, аж в Ростовской области.

Старичок посоветовал идти, не медля, в хутор Нижние Грачики.

— Это далековато, правда, верстах в двадцати... Но здесь вас лишней минуты оставить не могу, не обессудьте. Охранники на дрезине то и дело сюда наведываются — лютые, как цепные собаки... А в Нижних Грачиках школа пустует, ее и займете.

* * *

Нижние Грачики при первом знакомстве показались Александре Владимировне крохотным островком, затерявшимся в бескрайней придонской степи. О том, что происходит на фронте, хуторяне знали по редким слухам.

Школа понравилась Кузнецовой. Была она маленькой — узкий коридор да два класса по обе стороны, — но крепкой, по-деревенски основательной. Илларион Дмитриевич лишь подлатал кое-где окна, забил фанерой и досками дыры, — и можно было располагаться.

Удивило и то, что, несмотря на запустение, внутри школы тоже был порядок. Строгими рядами на полках — учебники: по русскому языку, математике, истории. Даже мебель уцелела. Завершал эту школьную гармонию маленький глобус на шкафу. Александра Владимировна дотянулась до него и переставила на подоконник. Ребятишки по очереди робко подходили к нему; пальцем крутили голубой шар. Мелькали, повторяясь, океаны, материки...

— Мам Шур, а что — мы тут и будем жить, прямо в школе? — выразил общее сомнение маленький Павлик.

— Да, тут и будем, — улыбнулась Александра Владимировна. — А что, разве плохо? Одна комната — наша будет, а в другой — класс. Там учиться будете.

— Что, и двойки ставить будут?

— Обязательно! — подтвердила Кузнецова. И, кажется, именно этот последний довод оказался самым убедительным.

— Ура! Школа!.. — детвора затеяла веселую кутерьму. Потом по приказу они стали сносить учебники и пособия в один класс.

В самый разгар «новоселья» в помещение вошла незнакомая стройная женщина в перехваченном крест-накрест шерстяном платке. Она внимательно посмотрела на ребят, на возившегося у вмазанной в стену печки Иллариона Дмитриевича и громко сказала:

— Здравствуйте! Меня зовут Светлана Алексеевна, я — здешняя учительница.

Ребятня разом притихла.

— Как хорошо, что вы пришли! Проходите, пожалуйста, — пригласила ее Кузнецова. И принялась было объяснять, кто они и откуда. Но та, извинившись, прервала:

— Я знаю об этом! Тут ведь, на хуторе, каждый про другого все знает...

Она прошлась вдоль полок, любовно потрогала корешки книг.

— Школа к эвакуации даже подготовиться не успела. Все так стремительно произошло... Немцы где-то прорвались, и пока мы выясняли, что да как, — оказались уже у них в тылу. Я сюда часто прихожу, слежу, чтобы в целостности и сохранности все было. Но наши хуторские, надо отдать им должное, ни листочка, ни дощечки отсюда не вынесли.

— Так и должно быть, ведь вы их детишек учили умуразуму...

— Учила... — учительница погрустнела. — Когда теперь еще придется...

— А хоть завтра. Я вам как раз хотела предложить снова открыть школу. И моих бы учили, и хуторских...

— Открыть школу? В такое время?

— Да, в такое время... Сейчас школа особенно нужна. Пусть ребяташки почувствуют, что Советская власть о них помнит и заботится. К тому же и заняты будут. И я бы вам, как смогла, помогла...

— Вы?

— А почему и нет... Я ведь в двадцатых годах учительские курсы закончила, затем в городе Ленинске Сталинградской об-

ласти в младших классах преподавала... Позже, правда, пришлось школу оставить — дети попли, за свекровью уход требовался...

— Какие тут ваши? Старшие?

— Нет. Я моих первеньких от тифа не уберегла. Он в Поволжье свирепствовал с голодом об руку... Сама чудом выжила. Мне уже за тридцать было, когда у нас с Илларионом Дмитриевичем Володя, а потом Валя со Славиком родились...

— Вы меня простите, хочу спросить: как у вас смелости хватило столько ребят с собой взять? Ведь сами на улице без куска хлеба оказались...

— Знаете, Светлана Алексеевна, чего я больше всего в жизни не люблю? Заборы! Ими люди иной раз и друг от друга, и от всего белого света отгораживаются. У нас с мужем, где бы ни жили, никогда заборов не было. Так разве могла я сейчас от чужой беды отгородиться?..

Они расстались, уговорившись, что учительница обойдет хуторских и предупредит: через два дня — первый урок в школе.

* * *

К девяти часам, как было условлено, стали собираться хуторские дети. Приходили не одни — кого привела мать, кого старики. Взрослые грудились в коридоре, жались к дверям.

— Входите, товарищи! — обратилась к ним Кузнецова. — Пусть на этом первом уроке присутствуют все.

Старшие заняли последние скамьи.

Взволнованная Светлана Алексеевна подошла к доске и вывела крупно мелом: «Мы — не рабы! Рабы — не мы!».

Хуторяне переглянулись.

Учительница повернулась раскрасневшимся лицом к классу и спросила:

— Дети, кто из вас прочтет написанное на доске? Поднимите руки!

Одна за другой стали подниматься вверх ладошки ребят. Дошколята, хоть и не умели читать, но тоже вслед за остальными тянули руки.

Александра Владимировна, наблюдавшая со стороны за уроком, сама едва удержала слезы, видя, как жадно слушают учительницу ее питомцы: Павлик, Капа, Ниночка... Как ловят каждый жест хуторские ребята...

После того как в коридоре подал голос медный колокольчик, к Кузнецовой, прихрамывая, подошел какой-то дед. Долго мял в руках шапку, потом сказал:

— Мы... То есть общество... Решили тут: если вы наших ребятишек взялись опять учить, то пусть будет все, как положено. До войны вам власть за это деньги платила, теперь мы будем — всем хутором. Оно, конечно, какие сейчас деньги?.. А вот на довольствие вас и вашу ребятню возьмем. Чем богаты — поделимся! И еще хочу сказать — худого не опасайтесь, у нас на хуторе доносчиков отродясь не было.

— Я и не боюсь! А за помощь — спасибо! — с признательностью ответила Александра Владимировна.

— И то верно — испугать тебя трудно. Ты же из самого Сталинграда! Немцы сейчас одного этого слова, как смерти, боятся...

Так, в новых трудах и заботах, заканчивался для всех них 1942 год.

* * *

От постоянного недоедания и однообразия пищи у многих ребятишек стали пухнуть и кровоточить десны. Сказывался недостаток витаминов. Александра Владимировна поделилась тревогой с учительницей, и та вспомнила: верстах в двух от хутора, в балке Сухая — заросли шиповника. Ягоды, конечно, здорово прихвачены морозом, но, как говорится, «на безрыбье и рак — рыба!..». Можно готовить компоты, все-таки какой-никакой, а выход! И они договорились, что «по ягоды» сходят вместе.

— Я к Светлане Алексеевне, — предупредила Кузнецова мужа. — Обещала мне помочь шиповника набрать...

— Может, и я с вами? — предложил он.

— Нет. Ты побудь с детьми. А мы управимся сами, тут недалеко...

Узкой кривой улочкой она прошла к дому учительницы. Редкие прохожие уважительно здоровались при встрече. «Совсем своими становимся», — отметила Кузнецова и почувствовала, как потеплело на сердце от этой мысли.

Учительница не ошиблась. На кустах шиповника, припорошенных снегом, рдели сморщенные от мороза ягоды. Не таким богатым оказался этот урожай, как они рассчитывали. Судя по всему, и птицы не облетали шиповник стороной в голодную зиму. Но кое-что осталось и людям.

— Теперь я понимаю, почему это растение называли шип-овником, — разделив надвое последнее слово, сказала учительница.

Морщась, она подула на пальцы, ноющие от холода и мелких острых заноз.

Уже смеркалось, и надо было торопиться, чтобы дойти к хутору, пока видна дорога.

— Надо будет сюда еще прийти, — с сожалением проговорила Александра Владимировна. — И старших ребят с собой взять, тут их проворство требуется...

На бугре, куда они поднялись из балки, в лицо женщинам ударила метель. Зима переваливала на вторую половину, и к ночи холодало так, что снег смерзался крупницами, как песок, и пел, стонал под подошвами.

Темнота обступала со всех сторон — вываливалась из оврагов, из колючих зарослей, где таилась до этого, и очертания предметов вокруг теряли первоначальные формы, пугающе менялись. Ни луны, ни звезд, единственный свет — из-под ног, снежный, пропадающий.

— Как бы на волков не натолкнуться! — задыхаясь, крикнула Светлана Алексеевна. — Мужики говорят, что их за войну развелось очень много. Охотники все на фронте...

Крикнула, будто позвала. Шестью парами светящихся глаз люто глянула на них за косогором смерть. Пока еще не смело, не прямо в лицо, — волки вышли сбоку. Видно, заметили их только что, а до того просто кружили вокруг хутора в надежде пожить. Не решаясь сразу напасть на людей, стая двинулась параллельно их движению.

На какое-то время женщинам показалось, что волки отстали. Но в следующее мгновение светящиеся точки показались снова. Правда, было их почему-то меньше.

— Смотрите! — учительница судорожно ухватилась за Александру Владимировну. — Они уже и на другую сторону перебежали!..

Сомнений не оставалось — волки не собирались упускать добычу. Голод притушил в них осторожность и впитанный с материнским молоком страх перед людьми. Они обкладывали обреченных ими по всем законам волчьей тактики.

Развязка наступила совсем неожиданно для хищников. Сжимаемая полукольцо, они, словно на мелкую дробь, выпущенную из многих стволов, налетели грудью на человеческие голоса. Кричали звонко, не переставая.

— Нас ищут! — не выдержав напряжения, вскрикнула Светлана Алексеевна.

Кузнецова не ответила. Она вдруг просто перестала чувствовать свои ноги и медленно осела в сугроб.

— Мы здесь! Здесь!.. — позвала, напрягая голос, учительница. — Сюда!..

Увязая в глубоком снегу, к ним бежали ребяташки с Илларионом Дмитриевичем и тот бородатый дед-хуторянин, что в день первого урока обращался к ним от «общества».

Волки круто повернули и растворились в белесой замети.

* * *

Беда и праздник иногда приходят вместе.

Праздник пришел в Нижние Грачики вместе с усталыми красноармейцами-разведчиками, облаченными в белые маскхалаты. Шестеро солдат осторожно скользили на лыжах от хаты к хате, сторонясь середины улицы. А по хутору летело, обгоняя их: «Наши! Наши пришли!..».

А к полудню в Нижних Грачиках остановилась на отдых войсковая часть.

Александра Владимировна выйти к ним не могла. Который уже день она и по комнате передвигалась с трудом. У нее опухли

ноги, обувь не налезала — видимо, сказались так, разом, дороги войны.

Она сидела у окна, смотрела на высыпавших из домов хуторян и улыбалась сквозь слезы.

К школе шел, почти бежал солдат. Ворвавшись внутрь, он жадными, ищущими глазами впивался в лица обступивших его ребятшек. Те тянули солдата за полы полушубка и наперебой спрашивали: «Дядя солдат, скажи, ты взаправду наш?.. Ты не фашист?.. Нет?..».

Боец резко нагнул голову, жмуря глаза, безуспешно пытался спрятать слезы. Потом лихорадочно зашарил руками по карманам, извлекая оттуда мелко наколотые кусочки сахара. Бережно обдул горку рафинада на желтой от табака ладони и раздал детворе.

— Это наши, со взвода, велели передать... — объяснил боец Кузнецовой. — Нам хуторские сказали о вас. Я ведь тоже сталинградский. У меня там жена с дочками оставалась, маленькими совсем. Ничего не знаю о них: живы, нет ли... Я с «Красного Октября» в ополчении был. В первом же бою за Мечетку ранило... Очнулся уже в госпитале, за Волгой. Окружали немцев уже без меня. Когда в часть направили, надеялся разыскать в городе своих или узнать что... Да где там!.. В Сталинграде все с землей перемешано, перемолото... Одна надежда, что успели мои эвакуироваться или, может, вот как вы — по земле меж чужих бродят... Я как услышал про вас, сердце зашло, думал: «Вдруг своих встречу?..».

Поодиночке заглядывали в школу и другие солдаты — излить нерастратенную отцовскую ласку на бездомных детей...

Из района к ним приехал незнакомый мужчина, грузный, в широкой офицерской шинели без погон. Он поговорил с сельсоветчиками и направился оттуда в школу.

Мужчина оказался директором вновь созданного детского дома. Знакомясь, Александра Владимировна взглянула ему в лицо и содрогнулась от жалости — вся правая сторона, от подбородка до виска, напоминала печеный картофель. Только чудом уцелевший глаз смотрел ясно, несколько скрашивая пугающее впечатление.

— Что? Не очень, а?! — догадался тот и невесело усмехнулся. Усмешка была похожа на судорогу. — В танке горел, да не до конца... Перед тем как боезапас рванул, механик меня полумертвого из башни выволок. Вот поэтому теперь не на фронте, а детским домом командую.

— Так вы хотите моих детей в детдом взять? — спросила Александра Владимировна. — Вы за этим приехали?

— За этим... — вздохнул директор. — Я понимаю, как тяжело вам с ними расставаться, но иного выхода нет.

— Как нет? Мы хотели домой, в Сталинград, ехать. И ребят, конечно, с собой забрать.

— Это исключено, — сказал, как отрезал, директор.

— Почему?

— В Сталинград сейчас детей везти нельзя. Вы просто пока не представляете, что там... Да и сами вы измотались до крайности. Не обижайтесь, но мне уже сказали, что у вас больные ноги. Вам самой надо серьезно лечиться.

Александра Владимировна молчала. Она чувствовала правоту его слов, но сердце не хотело соглашаться.

— Утром и тронемся. Вы, пожалуйста, только приготовьте ребятишек в дорогу, хорошо?

Бессонной ночью вспомнила Кузнецова все-все, что было с ними. Будто заново пережила.

... По раскисшей дороге тронулись в путь. Директор детдома предложил Кузнецовым ехать с ними до развилки, а там проститься — он с ребятишками поедет дальше, а они свернут к железнодорожному разъезду.

Учительница провожала их. И все пыталась успокоить Александру Владимировну. «Вы не волнуйтесь, дорогая моя, все будет хорошо. Я вам обещаю их навещать и буду подробно писать, как они...». И первая начинала плакать.

Ребятишки притихли. Взрослые уже сказали им, куда они едут. Но малыши все равно верят втайне, что останутся с мамой Шурой. Ведь она всегда была с ними и всегда будет.

На развилке остановились.

— Вот и пришла пора расставаться, дети, — сказала Александра Владимировна, изо всех сил стараясь не разрыдаться. — Вы пока поживете, как мы с вами договорились, в ... — она хотела сказать «в детском доме» и не смогла выговорить эти слова. — А потом вы все непременно приедете ко мне в Сталинград... Непременно...

Больше она не могла держаться. Нервы отказали, и слезы залили лицо. Детвора кинулась к ней с ревом. Прижимались, вздрагивали. Вместе с детьми плакали взрослые.

Кузнецова почти в беспомощности целовала их мокрые щечки, глаза, носы и шептала:

— Родненькие мои, вы обязательно вернетесь в Сталинград. Мы скоро, совсем скоро увидимся...

— Вы поезжайте первыми, а то иначе детей не успокоить, — сказал вполголоса директор Иллариону Дмитриевичу.

Ребятишки бежали рядом с их подводой, кричали и махали ручонками, кепками, платками...

— Удивительная у нее душа, — сказала, вытирая слезы, Светлана Алексеевна. — Столько вынести...

— Да, настоящий человек, — согласился директор детдома, глядя вслед удаляющейся подводе. — И, знаете, самое главное, что доброта у нее действенная... От одного сочувствия проку мало. Она не сочувствовала, она спасала.

А в эту минуту Александра Владимировна говорила мужу: — Ничего!.. И Сталинград поднимем, и ребят всех на ноги поставим. Я знаю это!

Вместо эпилога

История эта не выдумана. Лишь отдельные эпизоды, которые не сохранила память героев повести, домыслены мной.

С одной из тех двух десятков маленьких осиротевших сталинградцев, спасенных Александрой Владимировной Кузнецовой,

мне удалось встретиться. Капитолина Викторовна Стрижиненко (тогда, в 1942-43-м, Капа Сысоева) сама стала педагогом: работала в школе, затем в детском саду...

— Во многом я обязана выбором профессии именно Александре Владимировне, нашей «маме Шуре», — сказала она при встрече. — Знаете, а сама сейчас взрослый человек, почти тех же лет, что была в то трудное время Александра Владимировна, свои дети есть. И вот, с расстояния прошедшего времени, я все отчетливее понимаю, что она сделала для нас. И изумляюсь, откуда у «мамы Шуры» только брались силы, как их хватило на всех нас?..

Известна дальнейшая судьба еще нескольких питомцев того «кочующего детдома». Преподает в одной из московских музыкальных школ бывшая «маленькая певунья» Нина Богданова.

Хорошо известно в Коми АССР имя поэта Анатолия Кочкина...

А спустя несколько месяцев после того, как отрывки из этой повести были впервые опубликованы в газете «Вечерний Волгоград» (1983 г.), в Волгоградской областной юношеской библиотеке состоялась незабываемая встреча еще с несколькими ее героями, теми, кто в далеком сорок втором назвал чужую женщину родным словом «мама».

И которая на самом деле была ею.

Волгоград,
1983 г.

КОМАНДА

**Климу Викторовичу КОНЯХИНУ –
диктору Волгоградского радио и телевидения,
мальчишке из осажденного Сталинграда,
и защитнику волжской твердыни воину-артиллеристу,
приемному сыну И.В. Сталина
Артему Федоровичу СЕРГЕЕВУ
посвящаю**

Мина была уложена, оставалось вставить взрыватель и замаскировать. Но обмороженные пальцы уже не слушались, и ефрейтор Альдингер, кое-как расстегнув шинель, сунул их поглубже под мышки. И, постанывая, застыл в этой позе – скрюченный, похожий на большую серую курицу.

Он слышал, как эта язва фельдфебель Шмальфус что-то недовольно крикнул в его сторону, видимо, торопил, но даже не повернул головы. Странная отрешенность от всего происходящего владела ефрейтором в последние дни. Такую же отрешенность он замечал и у многих других немецких солдат, по воле рока и фюрера оказавшихся в захлопнувшейся сталинградской мышеловке. Разве могли они ещё несколько месяцев назад, опьяненные удачей летней кампании, подумать, что будут подыхать здесь сегодня от голода и холода, изъеденные безнадежностью и вшами.

Агония заканчивается, несмотря на бодрые призывы высшего командования: «Держаться! Помощь близка!..». Им больше никто не верит. Зато полевая жандармерия и СС свирепствуют вовсю. Вчера на глазах Альдингера расстреляли рядового Клауса

Вильке из соседнего батальона. С утра их донимал русский снайпер, не давая высунуть носа. И тогда бедняга Вильке, остервенясь, заорал в сторону русских: «Рус, не стреляй! Дай пообедать! Всё равно скоро в плен брать будешь!..». За слово «плен» он и поплатился.

Но мертвый Вильке прав: плен – это, пожалуй, единственный выход, если хочешь остаться в живых. Лично он, Альдингер, пленя не боится. Не зверствовал, не убивал собственноручно – просто выполнял свой солдатский долг.

Ефрейтор вспомнил, как сцепился с одним из таких «сверхчеловеков» – Гансом Кретнером, бывшим мусорщиком из Франкфурта. Кажется, это было в сентябре... К их полевой кухне пришли русские дети – голодные, изможденные. Они ничего не просили – только жадно смотрели, как повар разливал по котелкам чечевичную похлебку. Мальчишка лет одиннадцати-двенадцати выступил вперед и неожиданно стал... плясать. Плясал неумело, но забавно. Солдаты обступили его, прихлопывали в ладоши и одобрительно хохотали. Мальчишка скоро запыхался, остановился и протянул повару миску. Но тут Кретнер сгреб его за шиворот и, развернув, со всей силой поддал сапогом под зад. Русский отлетел и упал, а Кретнер загоготал.

Не всем понравилась эта выходка. Альдингер, у которого там, далеко в Германии, остались двое таких же сыновей, помог мальчишке подняться и вывалил похлебку из своего котелка в оброненную им миску. Ефрейтору запомнился взгляд русского – из ненавидящего он стал растерянным.

Кретнер тогда налетел на минера и, багровея, заорал, что эти «русские свиньи заслуживают только одного – лизать сапоги у солдат фюрера...». Альдингер не стал с ним связываться, зная по опыту – такие фанатики способны на любую пакость.

Как-то он ещё раз мельком видел того русского мальчишку, хотел остановить, но тот уже исчез, будто провалившись прямо под землю. Дома в поселке были заняты немецкими и румынскими солдатами. Жителей выгнали, и они ютились в землянках, подобно звериным норам вырытым на склоне оврага, за поселком.

В какую-то из этих нор и нырнул мальчишка. Как выживают и не погибают в таких условиях русские, Альдингер представить себе не мог. Впрочем, в тот благословенный час, когда победа, казалось, уже не сегодня-завтра свалится им в руки, он и не думал об этом.

И вот теперь сам готов заложить душу дьяволу за пару галет и горячую печку под боком. В вонючем мокром блиндаже, где сейчас квартирует их отделение, ничуть не лучше, чем наверху, на проклятом сталинградском морозе.

Бесславный и страшный конец – вот как вернее всего назвать положение всей их 6-й армии – вчера ещё самой прославленной в вермахте. И какой смысл затягивать его? Но штабные словно взбесились – приказывают минировать и минировать, будто задалась целью израсходовать все запасы взрывчатки. Зачем? Ведь это уже ничего не может изменить – всё равно русские скоро выбьют их и отсюда, останется или поднять руки, или умереть.

Это пустырь для чего минировать? Да всё для того – бои закончатся, войска уйдут, русские кинутся строить. А где? Повсюду руины, пепелища, которые им сто лет расчищать. Поэтому строительство начнется прежде всего на таких вот ровных площадках... Тут и заработает адская система минных полей Сталинграда.

И какая хитрая бестия этот длинный и худой, как жердь, оберст, прибывший к ним неделю назад. На этом пустыре он приказал поставить несколько «ложных» мин, чтобы сбить с толку русских саперов. Они снимут их и уйдут. А основные фугасы упрятаны в других местах, на большую глубину, где их трудно обнаружить. Контакты от них сходятся сюда – к этой небольшой противопехотной мине. Все готово... Ему, Альдингеру, остается только вставить взрыватель.

– Ты что, оглох? – услышал он над собой свирепый простуженный голос фельдфебеля. – Заканчивай!..

– Сейчас...

Альдингер с неохотой выпростал из-под шинели руки и, припустившись на колени, стал ввинчивать взрыватель.

Проснувшись, Мишка Рыбаков не сразу понял – утро на дворе или ещё ночь? В их землянке в любое время суток царил влажный плавающий мрак, от которого слепли глаза. И только узкий светящийся столбик, проникший сквозь трубу в низком нависшем потолке, убеждал – утро...

Стараясь не зацепиться за что-нибудь ногой, Мишка осторожно прокрался к выходу.

– Ты куда? – слабо спросила мать.

– Наверх, посмотреть... – шепотом отозвался Мишка.

В углу завозились, закашляли младшие – там, прижавшись к матери, спали сестренки. Оба, не переставая, болели. И не было для Мишки ничего мучительней на свете, чем слышать, как они тихонько плачут во сне. Так хотелось вынести их из душной землянки, наверх, пусть бы поиграли на солнышке.

– Ты, гляди, не забегайся там, – безнадежно попросила мать, зная наперед, что сын, наказывай – не наказывай, всё равно куда-нибудь удерет с друзьями. – Голову потерять-то недолго...

– Да ну, мам!.. – отмахнулся Мишка. – Капут фрицам, наши везде, а ты боишься...

– Капут-то капут, да смертушка ещё по городу ходит. Не шастайте вы, ради Бога, по развалинам. Неровен час – на недобитков наткнётесь или на мину.

– Ладно, не маленький... – пробурчал, вроде бы пообещав Мишка, чтобы успокоить её.

Прежде, чем выскочить на поверхность, он по привычке, выработавшейся за время жизни «под немцем», покрутил по сторонам головой – нет ли поблизости гитлеровцев или полицаев. И опять поймав себя на этих страхах, рассмеялся.

У них с Витькой и Серегой на сегодня была намечена «операция» – уговорились обследовать немецкий дот на высотке за поселком.

Серегу Банников, ежась от холода и пританцовывая, уже ждал Мишку на углу двухэтажного, полностью выгоревшего изнутри,

дома. До войны Банниковы жили в этом доме, но немцы потом угнали Серегу с матерью и теткой куда-то за город, а дом сгорел от прямого попадания зажигательного снаряда. Поэтому Банниковы, вернувшись, временно устроились в его частично уцелевшем подвале – лучшего жилья пока не было.

– Я уже тебя сколько жду, – набросился сразу Серега. – Замерз, аж зубы стучат... Айда за Витьком, он тоже, наверное, ещё дрыхнет.

– Ты что это в девчачью кофту вырядился? – поддел его Мишка.

– Тетка дала, – стал оправдываться Серега. – Это её кофта, холодно же... А все наши вещи вместе с квартирой сгорели ещё тогда, осенью...

Серега оказался прав – Витек ещё сладко спал. Эта часть поселка уцелела больше – немцы заблаговременно приглядели её для зимних квартир, не бомбили и не обстреливали из тяжелых орудий. Пока они стояли тут, Витька с глухой бабкой жили в летней кухоньке, а в их аккуратном деревянном домике поселились немецкие офицеры. Теперь Витька и его бабка перебрались обратно, пуская на постой наших бойцов из отведенных на отдых частей, чем Витька очень фасонил перед приятелями.

Вот и сейчас у них на крыльце, облокотившись на перила и покуривая, стоял молодой усатый старший лейтенант в гимнастерке с артиллерийскими петлицами и двумя нашивками за ранения.

– Вы к кому, пацаны? – весело окликнул он мальчишек. – К хозяевам? Ну, проходите... Только, думаю, что вы своего друга пушкой сейчас не разбудите!

– Ничего, разбудим... – пообещал злорадно Серега.

Витька поднялся лишь после нескольких чувствительных тычков, да и то Мишке пришлось пригрозить, что они пойдут в немецкий дзот без него.

– погоди, капитан... Хоть умоюсь, – пробормотал примирительно Витька.

Капитаном Мишку прозвали давно – он и был капитаном их школьной футбольной сборной, её центрофорвардом. Рыжий Се-

рега Банников играл левым крайним нападающим, а медлительный, но прочный, как стена, Витька Сильченко – в защите. Эх, какая была команда!

В дверях они снова столкнулись со старшим лейтенантом.

– Что, были сборы недолги? – всё так же весело оглядел он мальчишек. – Уже куда-то лыжи наострили... А, может, сначала чайку со мной выпьете?

– Не... спасибо! – попытался отказаться за всех Мишка.

– Чай с шоколадом будем пить, – продолжал соблазнять старший лейтенант. – Ну же, соглашайтесь...

Чай, шоколад, да ещё в компании с боевым командиром – устоять перед этим было выше их сил. Да и никуда этот дот не денется...

– Вот и отлично! – обрадовался старший лейтенант. И громко позвал в открытую дверь: – Борис!..

Из летней кухнешки выскочил сержант – тоненький, как подросток. Левая рука на перевязи. Постучал сапогами по деревянным высоким ступеням и щеголевато щелкнул каблуками.

– Как там самовар?

– Хозяйка говорит – готов!

– А ну-ка, пацаны, тащите его в хату! – скомандовал старший лейтенант. – А ты, Борис, пошарь – где там у нас трофейные лакомства...

Когда разлили по кружкам горячий дымящийся чай, старший лейтенант с удовольствием втянул ноздрями горьковатый аромат крепкой заварки:

– А помнишь, Борис, как мы в Москве у твоей тетушки чай гоняли?.. Чашки из сервиза, фарфоровые... тонкие, аж светятся...

– Эх, Москва... – мечтательно вздохнул сержант. – Хоть одним глазком на неё сейчас взглянуть...

– А вы что, в Москве живете? – поинтересовался Мишка.

– У Никитских ворот, – подтвердил старший лейтенант. – Мы с Борисом даже в одной школе учились, только он на четыре класса ниже... Зато с его братом за одной партой сидели. А ты сам-то в Москве бывал?

– Думал, что бывал...

– Как это – «думал»?

– Меня родители однажды маленьким из Сталинграда на московском поезде везли. И как увижу в окошко церковь, ору вместе с другими малявками на весь вагон: «Москва!.. Москва!.. Ура!». Я потом так и думал, что видел Москву. А, оказалось, не доехали мы тогда, в Рязани сошли, где наши родственники живут.

Старший лейтенант, слушая его, улыбался – но по-прежнему, видно, каким-то собственным мыслям.

– А как нас на вокзале провожали помнишь, Борис? – воскликнул он вдруг. – И твоя тетушка... Как она тогда нашу проводницу в оборот взяла... Феерия!

– Ну да... Та меня в ваш командирский вагон не хотела сажать: я же в штатском ещё был и хилый, как шкет... Спасибо тетушке – как закричит: «Безобразие! Кто тут главный? Как вы смеее ребенка на фронт не пускать!».

И оба закатились от смеха. Ребята прыснули вслед за ними. Только Серега сидел с каменным лицом – по его мнению, фронтовики должны бы держаться иначе, солидней. И если уж говорить, то исключительно о боях, по-мужски.

– Я хотел добровольцем пойти, – объяснил Борис, – да врачи после болезни мне такое в медсправку понаписали, что военком и разговаривать не стал... Хорошо вот Артем выручил – из госпиталя домой заглянул и увез меня сюда, в Сталинград. Здесь и оформили в артдивизион, разведчиком.

– Я тоже на фронт хотел... сыном полка, – подал голос Серега и засопел обиженно. – Прогнали...

– Ваше от вас не уйдет, – утешил старший лейтенант. – Слушайте, а что это мне Виктор о вашей футбольной команде рассказывал?... Будто вы в чемпионах ходили?

– Ходили...

– Так я же сам когда-то в школьной сборной играл... Может, постучим как-нибудь, а?! – загорелся азартом старший лейтенант. – Мяч найдется?

— Нету мяча, — посожалел Мишка. — Был у нас раньше, настоящий! Нам его как приз на районных соревнованиях вручили. Он у Клима, нашего вратаря, хранился. Только их семья эвакуировалась...

— Жаль, — подсадовал артиллерист. — А то бы погоняли...

— Ничего, может, ещё что-нибудь придумаем, — пообещал Мишка. — Вы ещё долго здесь пробудете?

— Если мяч достанете, поиграть успеем, — неопределенно сказал старший лейтенант. — А потом...

Он красноречиво махнул рукой на запад.

* * *

Каждый день через поселок проводили на расчистку развалин пленных. Их длинная колонна втягивалась в улицу, словно диковинное серое животное настороженно зыркая по сторонам сотнями пар глаз и, как перед опасностью, втягивая шею в поднятые воротники шинелей.

Но их никто не трогал. Поначалу, правда, жители выстраивались вдоль дороги и молча провожали немцев взглядами: презрительными, удовлетворенными, равнодушными... Потом привыкли к этому повторяющемуся зрелищу и уже просто не обращали внимания. Одна детвора никак не могла угомониться и улюлюкала вслед вылинявшим завоевателям.

Если в такие минуты рядом с Мишкой оказывался Серега Банников, повторялась одна и та же сцена — Серега скрипел зубами и громко говорил, чтобы и «те» слышали:

— Автомат бы сюда... Я бы этих гадов!..

Как-то они проходили мимо разрушенных корпусов лесопилки, в глубине которых теньями мелькали серые фигуры пленных. Конвойные расположились группой поодаль, покуривая и поглядывая на немцев.

— Вы что их так плохо стережёте? — не вытерпел Серега. — Вот смоются куда-нибудь...

— Куда им бежать, да и зачем? — добродушно пробасил один из конвойных. — И так, поди, довольны, что уцелели.

– Придуриваются они, а вы и уши развесили! – полез в бутылку Серега.

– А ну-ка, сматывайся сам отсюда, указчик! – рассердился конвойный.

Мишка потянул Серегу в сторону. Но тот вырвался, зачерпнул пригоршню мокрого снега, яростно смял его и метнул напоследок в ближайшего пленного. Снежок пролетел мимо и шмякнулся о выщербленную пулями кирпичную стенку.

Пленный вздрогнул и обернулся, блеснув стеклами очков. Растерянно посмотрел на мальчишек и, видимо, решив, что его приглашают включиться в игру, слепил снежок и неуверенно бросил. Снежок упал, не долетев.

– А... поиграть захотелось! – на худых Серегиных скулах вздулись желваки. – Щас поиграем...

Он поводил лихорадочно глазами, схватил обломок кирпича и стал лепить из него новый снежок, с «начинкой», бормоча:

– Погоди... Я тебе залеплю!..

Он уже замахнулся для броска, но Мишка на лету перехватил его руку. Снежок рассыпался рядом...

– Ты что? Спятил? – обозлился Серега. – Дай я ему в лоб вкатаю!

– Не надо, – сказал Мишка. – Это же пленный... безоружный.

Серега дернулся, как от удара током.

– Безоружный?! А ты видел, что эти гады с нашими пленными делали? Видел?!

Он сжал кулаки и вплотную придвинулся к Мишке.

– Когда поселок захватили, человек двадцать наших раненых немцы к канализационному колодцу стащили. И стали вниз головой в этот колодец бросать... Я из окна всё видел... Набили яму так, что крышка чугунная не закрывалась – сапоги торчали... Тогда один фашист начал прыгать на крышке, уминать...

Мишка содрогнулся.

– Нет, ты слушай дальше... Немцы потом в наш дом ввалились, стали по углам шарить. А тот, что на крышке прыгал, сует

матери пустое ведро и что-то орет... Мать не понимает, я тоже... Он ведро бросил, схватил винтовку со штыком и мамку вот сюда как подцепит...

Сергея ткнул пальцем себе в грудь.

— Мамка закричала, а фашист опять на ведро показывает, лопочет: «Вольга!.. Буль-буль!..». Дошло до меня — это он воду с Волги приказывает принести. Притащили мы с мамкой ведро, фашисты воду забрали, а нас в дом не пускают... На следующий день вообще за город погнали... Мы всю осень и зиму по деревням побирались... А ты их жалеешь... Их убивать надо, всех до одного!

— Этот немец не такой... Узнал я его, понимаешь?! — Мишка видел, что надо как-то объясниться с другом, растолковать. — Один раз он меня от другого немца, злющего такого, защитил. И чечевичной похлебки налил, для сестреночек...

— Так ты за чечевичную похлебку, значит?!

Сергея презрительно цыкнул слюной сквозь зубы и пошел прочь.

— погоди ты... Сергеа!.. послушай!..

Друг не оборачивался.

Мишке ничего не оставалось, как плестись позади — и обижаясь на Сергеа, и понимая его.

Но ведь и он, Мишка, тоже прав. Разве меньше Сергеа ненавидит фашистов?

К той немецкой полевой кухне он ни за что бы не пошел, если б не сестренки. Малышки всё время просили у матери есть, а ей нечего было дать им... Сначала Мишка, как и остальные, просто смотрел, как немецкий повар разливает в солдатские котелки похлебку. Как он будет просить еду у фашистов — он не представлял, язык отнимался, едва начинал подбирать слова. И тут кто-то сказал рядом: «Если сплясать, могут накормить... Цыганята у нас во дворе всегда так делали!».

И тогда Мишка торопливо шагнул вперед, вдруг испугавшись, что его кто-то опередит. И стал плясать, глотая слезы и не видя сквозь них ничего... Он плясал и как заклинание твердил себе,

что там, в землянке, его ждут голодные сестренки, ждут, что он, старший, обязательно принесет поесть... Надо плясать!.. Но когда какой-то верзила-гитлеровец скрутил его за воротник и пнул сапогом, стыд от унижения уступил место такой жгучей ненависти, что его слезы мгновенно высохли. Хотелось кусать, бить эти наглые довольные рожи... А потом снова непонятное — чьи-то покрытые рыжими густыми волосами руки рывком подняли его с земли, поставили на ноги, и Мишка увидел немолодое лицо, сочувствующие глаза за толстыми линзами очков. И хотя не понял, что говорит ему этот немец, яснее слов была похлебка, которую солдат перелил ему из своего котелка.

И Мишка растерялся... Ненавидеть было легче, бояться было легче. Куда труднее было ужиться с непрошеной признательностью, появившейся в нём. И к кому? К врагу! Но оно жило в нём, это чувство, как ни старался он его подавить.

— Мам, можно я пару картофелин возьму и немного хлеба? — вернувшись к своим, попросил он мать.

— Проголодался? Возьми, конечно, сынок.., — отозвалась та, всё так же сидя у постели малышей. — Всё равно у девчонок никакого аппетита... Слабенькие совсем.

Завернув в тряпку съестное, Мишка выскочил на улицу.

Пленные продолжали медленно и монотонно, как заведенные, растаскивать завалы на лесопилке.

Мишка поискал глазами того, в очках.

— Опять ты здесь!.. Чего забыл? — окликнул его конвойный красноармеец.

— Можно передать вот этот узелок? — колеблясь, подошел к нему Мишка.

А у самого больно билась в виске мысль: «Не разрешит! Он же с ними дрался насмерть, фашисты его запросто убить могли. А я их кормлю...».

— Кому передать? — переспросил конвойный.

— Пленным...

— А что в узелке?

— Картошка вареная и хлеб.

— Ну ты, парень, даешь! А кому передать, любому что ли?

— Нет... Знаю я тут одного.

Боец изумленно покрутил головой.

— Вы не подумайте чего... Этот немец не похож на других. Он — хороший немец... — принялся торопливо оправдываться Мишка.

— Не верю я уже что-то в хороших немцев, — сказал конвойный и махнул рукой. — Ладно, поищи своего «хорошего»... Только побыстрее!

Ефрейтор Альдингер сел передохнуть, когда перед ним появился Мишка с узелком в руках. Час назад Альдингер тоже взглядел его рядом с другим русским мальчишкой, затеявшим игру в снежки. Кажется, они из-за чего-то поссорились потом, но из-за чего именно ефрейтор не понял.

И вот русский мальчик опять здесь. Что ему нужно?

Мишка, не говоря ни слова, протянул ему узелок. Он не знал, что говорить, да и нужно ли. Просто взгляделся ещё раз в апатичное лицо немца и пошел назад из охраняемой зоны.

Ефрейтор постоял некоторое время, глядя ему вслед, потом медленно развернул узелок... Он считал, что разучился на фронте плакать. Оказывается, не разучился...

* * *

Клим жадно глядел на противоположный правый берег Волги, и ему хотелось, как когда-то, броситься в серый холод весеннего разлива, нырнуть и, помогая себе руками и ногами, долго-долго, на сколько хватит дыхания, плыть под водой, а потом вынырнуть и заработать саженками...

Подошла мать, пытливо заглянула Клишке в лицо:

— Вот, Климушка, и возвращаемся домой... Только как-то там, дома? Уцелел наш поселок аль нет, он же всё больше деревянный... А пожары-то были какие после бомбежек в городе... Ужас!

И заторопилась:

— Пошли, сынок, пошли. Я узнавала у командира, который на корабле, они скоро отчаливать будут. И нас берут.

Протянула было руку, чтобы помочь ему, но Клим дернул плечом:

— Не надо, мам. Я сам...

На зыбком мокром песке, где только что стоял Клим, глубоко отпечатались три следа: один — от ботинка, два маленьких круглых — от костылей.

Сходни с борта старого пожарного парохода были переброшены прямо на берег. Течение подпирало пароход, и они со скрипом раскачивались.

Капитан парохода в старой флотской фуражке с ломаным-переломаным козырьком, увидев внизу одноногого мальчика с матерью, помянул вполголоса, приперчив, «треклятую войну» и приказал матросу, такому же седому, почерневшему от изматывающих переправ, помочь пацану.

С его помощью Клим с трудом всё же сам поднялся на борт.

Матрос, поддерживая его сзади, другой рукой хотел перехватить у матери объемистый узел. Как на грех, она в это мгновение оступилась, и вниз упало, а потом запрыгало по песку что-то большое и круглое...

Мать ахнула:

— Мяч!..

— В самом деле, мяч... — удивленно буркнул наблюдавший эту сцену капитан.

А мяч теме временем скатился в воду и закрутился в набегавшем мелком прибое.

— Ну, невелика потеря.., — решил капитан. — Отваливать нужно.

Клим впился пальцами в рукав его форменного кителя:

— Дяденька!.. Товарищ капитан!.. Не убирайте трап... Это знаете какой мяч? Футбольный, настоящий! Понимаете? Я за него отвечаю!

— Перед кем это? — усмехнулся капитан.

— Перед ребятами, перед нашей командой!

— Ладно! — согласился капитан, сделав жест матросу: достань, мол, раз малец так переживает.

Матрос, не меньше капитана удивленный, зачем это одному мальчишке футбольный мяч, кряхтя, снова полез вниз.

Капитан проследил, как он выловил мокрый мяч, и приказал отчаливать. Уже на пороге рубки обернулся и отыскал глазами безногого футболиста. Тот уже сидел среди других пассажиров парохода на пустых ящиках и бережно стряхивал с кожаного мяча налипший песок...

Это была вторая переправа Клима через Волгу. Первая – прошлым сентябрем, оттуда, из осажденного города. В том рейсе, когда на беззащитный пароход с женщинами, детьми и стариками спикировал фашистский самолет, Климка лишился ноги.

Уезжали вместе две семьи – Клим с матерью и Токаревы, их соседи: Юрка Токарев – левый инсайд в их футбольной команде, его сестра и мать с отцом. Климкин отец уже год как воевал, а Юркиному дали «броню» – на заводе он был мастером первой руки, делал минометы. Завод вывезли, вслед за ним уезжал и Токарев-старший.

Клим с Юркой сидели рядышком – голкипер и инсайд школьной сборной. И бомба, ухнувшая у самого борта и вырвавшая из ровной волжской глади огромный столб воды с кусками корабельной обшивки, на добрый десяток метров отшвырнула от парохода обоих мальчишек и кого-то ещё из сидевших рядом.

В ту минуту в Климкиных руках, как и сейчас, был футбольный мяч – почти новый, крепкий, их гордость, их приз. Он по общему согласию команды хранился у него, Клима. Война оборвала футбол, и мяч со страшного августа 1942-го уже больше так и не взлетал ни разу над полем.

И Клим с Юркой взяли его с собой, понимая, что всё равно в Сталинграде он еще долго не понадобится ребятам.

Юрку больше никто никогда не видел – то ли его сразу убило страшным ударом взрывной волны, то ли он утонул, оглушенный...

А Климка так и не выпустил мяч из рук, обхватив его в беспомощности так крепко, что и потом, когда мальчишку вытащили из воды, не сразу смогли отобрать.

Оперировали его уже на левом берегу Волги, в военном госпитале. На соседних операционных столах стонали, бредили боем солдаты, раненые там, в Сталинграде.

Ногу Климке ампутировали ниже колена. Долгое беспамятство от боли и наркоза... и лишь к утру следующего дня он очнулся. Увидел дремавшую рядом на стуле мать, хотел приподняться и спросить, что с ним и где он, но... вдруг не почувствовал опоры в левой ноге. Испугавшись, но ещё не веря, Климка ощущал простыню вдоль ноги и там, где должна быть ступня, ухватил пустоту. И заплакал – обидчиво, безнадежно.

– Сыночек, родненький, живой... – вздрогнув, заплакала за ним мать.

А Климка, отказываясь соглашаться с такой непоправимой несправедливостью, всё тыкал и тыкал растопыренными пальцами в простыню, укрывавшую забинтованную культю.

Потом он затих и бесконечно долго молчал, не отвечая ни матери. Ни врачам. Заговорил только ещё через сутки – попросил принести мяч.

Когда мать передала просьбу хирургу, тот удивленно поднял брови:

– Что за блажь? Зачем ему мяч? Сейчас полный покой нужен!

– Футболистом он у меня был, – всхлипнула мать. – До ночи, бывало, домой загнать не могли. Всё с мячом да с мячом.

Хирург подумал некоторое время, что-то соображая, и разрешил:

– Хорошо, принесите сыну мяч. Положительные эмоции тоже лекарство...

Не один месяц пролежал в военном госпитале Климка. Впрочем, нет, не Климка уже – точно, Клим: собственное пережитое, чужие страдания вокруг, могильные холмики вчерашних соседей по палате – всё это разом сделало его взрослым. И только круглый футбольный мяч возвращал в детство, позволял представлять и даже, кажется, слышать то, что было и чего уже больше никогда у него в жизни не будет: атаки на ворота соперников, победно

вскинутые руки и доносящиеся с «того» конца поля восторженные крики ребят из их команды, и ответные атаки на собственные ворота, разгоряченные лица чужих нападающих, прорвавшихся в штрафную, когда надо снова и снова отчаянно бросаться им в ноги, чтобы не дать забить...

Да, этого уже не будет у него. Но ходить-то на стадион он сможет. Или даже – судить?! А что? Не по-серьезному, конечно, а так, сбоку, в тренировочных матчах.

С этими мыслями, выстраданными в бессонные, наполненные болью ночи, Клим сейчас возвращался домой, в Сталинград, к своим ребятам.

* * *

– Климыч вернулся!.. Наш вратарь вернулся!

Сергея Банников ворвался в землянку Рыбаковых.

Та ссора, из-за немца, ещё помнилась обоим, но мало ссор бывает даже между друзьями – дружба всё равно берёт верх.

– Да ну! Ты его видел? – обрадовался Мишка.

– Нет ещё... Мне их соседи сказали: вернулся, мол, ваш дружок, дома сидит...

– Тогда мигом за Витькой и – к Климу! Земля местами уже подсохла – скоро можно будет играть вовсю... Соберем ещё кого-нибудь из ребят, раздобудем какой-никакой мячик – надо будет в развалинах порыться, хоть детский найти... И заиграем!

У Витьки они наткнулись на сержанта Бориса.

– Как дела, мужики! Что поделываем? – привычно весело полюбопытствовал он.

Но что-то мелькнуло в глазах сержанта, что-то печальное... А, может, мальчишкам это просто показалось.

Ему и высунувшему голову в дверь Витьке рассказали о возвращении из эвакуации их вратаря.

– Самый непробиваемый вратарь в городе! – вдохновенно преувеличивал Сергей. – Среди пацанов, конечно. Самый «сухой»! Ему сам Ермасов – вратарь нашего «Трактора» говорил, что вот, мол, подрастешь – и запасным к себе возьму.

Мишка с Витькой видели, как хочется Сереге на радостях прихвастнуть перед фронтовиком, погордиться другом и командой. Поэтому молчали, не перебивали. Хотя, конечно, не стоило Сереге трепаться о Ермасове — никогда не обещал знаменитый Сталинградский вратарь взять Климку запасным.

— В общем, смотрю, у вас в команде все были лучшие: лучший капитан, лучшие нападающий и вратарь и даже, вот, защитник Витька! — насмешливо, но без ехидства констатировал Борис. — Дуйте к вашему знаменитому вратарю, а я попробую в горьком комсомоле о мяче для вас договориться... Буду там сегодня по некоторым делам.

По дороге Витька сообщил приятелям по секрету — завтра Артем Федорович Сергеев, так звали того квартировавшего у них старшего лейтенанта, снова отправляется на фронт.

— Их артдивизион в какой-то резерв Главного Командования включили. И пошлют на самый важный участок фронт. Я вчера ненароком их разговор с Борисом подслушал...

— И сразу трепаться? Болтун — находка для шпиона! — съязвил бдительный Серега.

— Я ж вам только... И говорю же — случайно получилось, — обиделся Витька. — Борис переживает — его врачи забраковали. Пальцы на раненной руке так и не шевелятся, какие-то сухожилия задеты... Он говорит: «Всё равно сбегу в свою часть!..». Ему пока у нас здесь работать предлагают, в комсомоле...

Уже у самого дома они увидели мать Климки. Нина Васильевна словно поджидала ребят.

— Я хочу вас предупредить, мальчишки... то есть попросить... Вы уж как-нибудь успокойте Климку, а то он вас так ждёт!.. Десять раз спрашивал уже: «Не приходили из команды? Мишки-капитана не было? А Сереги?..». Соседи сказали, что вы все здесь... А ведь беда у него, у Климки... — и она отвернулась, смахнув слезы.

В дом мальчишки вошли притихшие и немного смущенные. Что могло произойти с их вратарем? Но Климка сидел на кровати — целый, здоровый, только как-то боком.

— Климыч, а нам сказали... А ты что?.. У тебя всё нормально?.. Здорово, Климка! — загудели обрадованно ребята.

Клим смотрел на них сияющими глазами и не отвечал.

— У нас теперь снова команда будет, слышишь, раз ты вернулся! Как прежде, понял, непобедимая!..

— А Юрка Токарев утонул, ребята, — неожиданно сказал Клим.
— Ещё тогда, когда мы уезжали...

Мальчишки подавленно переглянулись.

— И вратаря нового вам искать надо...

Клим до этого сидел так, что друзьям была не видна его повернутая на культе штанина. Теперь повернулся, и они увидели...

— Как же футбол? — глупо вырвалось у Сереги, и он осекся, виновато глядя на вошедшую Нину Васильевну.

— А я вам помогать буду... — пришел на выручку друзьям сам Клим.

И — как уже о не раз обдуманном:

— Судить за «бокового», когда просто так гонять будете. А на матчах — болельщиками руководить: когда им «судью на мыло!» крикнуть, когда «мазилу» — нападающего или «дыру» вратаря освистать... Я ведь, помните, как свищу?!

И он, сунув в рот свернутые колечком два пальца, неожиданно свистнул, да так озорно и весело, что у мальчишек сразу легчало на душе.

— Снова — команда, снова — футбол! — повторил, видно, понравившуюся ему самому фразу Серега Банников.

* * *

Сержант Борис вернулся из Сталинградского горкома комсомола с опешмляющей вестью — решено в ближайшее время провести в Сталинграде первый футбольный матч между сталинградским «Трактором» и одним из столичных клубов. Каким? Это тоже определится на днях. А сейчас игроков «Трактора» ищут среди бывших ополченцев, вернувшихся на разрушенные предприятия города, в воинских частях. Уже несколько футболистов

откликнулись. И хотя некоторые из «трактористов» далеко, в действующей армии, но костяк команды, сказали, соберут.

Определить состояние мальчишек в ту минуту просто словом «счастье» — значит недосказать многое. Предстоящий матч с участием любимой команды, которой подражали, которую боготворили — это была для них не просто игра. Столько пережившие, они умом и мальчишьям сердцем понимали — это ещё одна победа над врагом здесь, в Сталинграде, после окончания главной битвы. И это ответ всем тем, кто думает, что города нет, кто давно похоронил их, сталинградцев, взрослых и детей. А они живут, живут им назло. И играют в футбол! Пусть видят и знают!

Но сержант Борис припас для них ещё один сюрприз.

— А вы знаете, мужики, где будут проводить этот матч, а? — он хитро прищурился. — Здесь, в вашем районе, тут войной меньше перепахано, чем в других местах... Может, даже посоветуете: где именно? Вы ведь наверняка каждый пяточок земли знаете, коленками попробовали...

Мишка вопросительно посмотрел на приятелей.

— Пустырь?..

— Подходяще! — оценили остальные. — Там только надо пару землянок сравнять и траншеею засыпать...

Они гурьбой проводили Бориса на пустырь. Тот знающе окинул его взглядом и остался доволен. Пустырь тянулся метров на четыреста и упирался в косогор — идеальное место, где можно будет врыть скамеечки для зрителей.

— В общем, молодцы! По-моему, подходит, — сказал сержант. — Теперь, если начальство утвердит, проведем тут общегородской субботник и — готово! Можно играть. Благодарю вас за службу, мужики!

— Да ну... чё уж там... — неожиданно заскромничал Серега, будто это ему первому пришла в голову мысль о пустыре.

Мишка, Витька и Клим, не сговариваясь, прыснули от смеха, такой важный вид был в эту минуту у Банникова.

— Не... ты от скромности не умрешь, — сказал Витька.

В общем, в восторге от намечающейся перспективы были все

— и не только их команда, но и остальная поселковая ребятня, тоже прослышавшая о предстоящем выступлении «Трактора».

После ухода Бориса Серега сбегал домой к Климке за мячом, и они затеяли игру в «тыр-пыр» или, как его официально именовали, в мини-футбол на коротком пятачке в самом центре пустыря. Несколько раз то Мишка, то Витька или Серега пробегали как раз мимо того места, где зимой ефрейтор Альдингер заложил мину. Но — повезло...

А на завтра сержант Борис, уполномоченный горкомом комсомола возглавить работы по расчистке будущего футбольного поля, привез ребятам ещё сразу три новости. Их пустырь после осмотра окончательно утвердили местом проведения матча — это раз. Два — горком обратился к молодежи города провести здесь субботник. И три — что соперником у сталинградского «Трактора» в товарищеском матче будет московский «Спартак».

— Это где Акимов играет? Физкульт-привет москвичам!.. Гип-гип-ура!.. — возликовали ребята.

Борис, как выяснилось, школьником болевший как раз за столичный «Спартак», был доволен не меньше их, и лишь взрослые девятнадцать лет мешали ему присоединиться к воплям мальчишек.

А старший лейтенант Сергеев по-своему отреагировал на все эти новости:

— Ну уж дудки! Боги войны никому не уступят — первыми выйдем на расчистку поля. Хоть ещё одну память в Сталинграде оставим... Усекли, пацаны?! То-то...

Наверное, так бы оно и получилось, если бы...

Если бы к командиру конвойной части, охранявшей немцев, не попросился на прием один из военнопленных, назвавшийся ефрейтором Альдингером. Майор приказал привести немца.

Порог переступил немолодой очкастый ефрейтор. Щелкнув каблуками разбитых насмерть рыжих сапог, он сразу же заговорил о чём-то, волнуясь и глотая слова.

Переводчик прервал немца и что-то сказал ему. Ефрейтор виновато помолчал и, как оловянный солдатик, ещё плотнее прижал вытянутые вдоль тела длинные руки к бедрам.

– Что ты ему сказал? – спросил майор переводчика.

– Сказал, чтоб не частил, а то ничего не поймешь, товарищ майор... О каком-то русском мальчишке говорит, о вареной картошке...

Майор пожал плечами:

– Ладно, пусть продолжает...

Ефрейтор успокоился – кадык на его худом щетинистом горле уже не дергался.

– Он объясняет, товарищ майор, что ему знаком какой-то русский мальчишка из этого поселка. Этот мальчишка недавно отдал ему свою картошку и хлеб, хотя, наверное, сам был голоден. Поэтому немец считает своим человеческим долгом отплатить добром за добро и что не имеет права молчать, потому что знает ужасную... нет, простите, он оговорился... грязную военную тайну...

Майор заинтересованно подался вперед.

– Немец утверждает, что был в специальной группе, которая минировала Сталинград перед самым разгромом Паулюса. И что он лично закладывал взрывчатку на пустыре неподалеку, что ему это было приказано... Простите, товарищ майор, тут фриц опять не очень понятное лопочет... что-то о намерении его командования «взорвать будущее»... А, это иносказательно... Он имеет в виду мины, оставленные здесь... Недавно немец видел, как на этом пустыре дети играли в мяч, и среди них тот русский мальчишка, который накормил его... Он говорит: они могут подорваться каждую минуту... И не только они!.. Может пострадать и часть поселка, там в нескольких точках расставлены и надежно замаскированы мощные заряды... Немец готов начертить схему минирования, показать мины-ловушки и сопровождать на разминирование русских саперов... даже участвовать в разминировании, если ему позволят...

Ефрейтор Альдингер умолк и ещё раз сделал попытку щелкнуть каблуками.

– Звоните немедленно саперам, – приказал майор телефонисту. – Пусть приезжают и забирают немца с собой.

Через некоторое время по направлению к пустырю выехала машина с саперами. В кузове сидел и ефрейтор Альдингер.

А команда расставалась с Артемом Федоровичем Сергеевым и его артиллеристами.

— Прощайте, пацаны. Жаль, что не довелось матч «Спартак» и «Трактора» посмотреть, — сожалел старший лейтенант. — Даже поработать на матч не дали гады фашисты, испортили моим ребятам обедню... Но ничего — добьем фрицев, ещё такие игры, такой футбол увидим!..

Мишка с друзьями тоже были недовольны — им не давали собственный «фронт работ». На это капитан и жаловался сейчас Борису.

— Значит, просишь для своих ребят шанцевый инструмент? Строители, говоришь, вам его не доверяют?

— Конечно!.. А то что получается?.. Место мы указали! А как до дела дошло, все твердят: «Не мешайтесь под ногами!». Идите, мол, гуляйте, играйте... Работаем чем попало... вот саперками у мертвых фрицев разжились... Даже раненым из госпиталя разрешают работать! Одни мы, выходит, лишние?

— Ладно, не горячись, прикажу выдать инструмент и вам, — полюбнял его здоровой рукой Борис. — Так и передай своим. А тебя назначаю за старшего, понял?

— Понял! — заулыбался наконец и Мишка.

И вправду: неужели не понять этим взрослым, что значит футбол для них, мальчишек! Вот даже Климке опять стал мяч снится и как он на воротах стоит...

Да и у самого Мишки счет времени пошел теперь как-то по-иному — на то, что было до того, как он узнал о футбольном матче, и после известия о нем. До того была радость от ощущения, что они выжили, что закончились, наконец, бои вокруг и не надо думать, где достать поесть, не надо бояться немецких солдат и полицаев... Сногшибательная же новость о матче, да ещё с участием таких первоклассных команд, поселила в Мишкиной душе праздник, такой огромный, что его просто распирало...

Они с Борисом прошли к будущему футбольному полю. Пустырь уже заметно изменился: исчезли воронки, траншеи, снесены заброшенные блиндажи... На их месте появилась ровная площадка, вполне пригодная для футбола. Солдаты-плотники сбивали поодаль скамейки для зрителей, устанавливали ворота.

* * *

И грянул матч!..

Мишке и присниться не могло, что соберется столько народа: военные, комсомольцы из бригад строителей-добровольцев, рабочие жаждали увидеть этот матч. Добирались отовсюду, со всех районов, кто как смог и на чем смог, большинство просто пешком — даже из окраинного Тракторозаводского района.

Так что Мишке с друзьями пришлось распрощаться с мыслями устроиться на скамеечках поближе и срочно подыскивать себе местечко, откуда удобнее наблюдать за игрой.

— Старались-старались и опять — лишние?! — негодовал Серега. — Нет, капитан, ты ответь: где справедливость? Наши законные скамеечки тю-тю... заняли!

— Не зуди! — оборвал его Мишка. — Смотри лучше, уже футболисты на поле выходят...

Серега умолк.

Некоторых игроков «Трактора» они уже успели хорошо узнать — те вместе с болельщиками работали на оборудовании футбольного поля.

— Глянь, ребя!.. Колосов... Шеремет... А вон Ермасов, здоровый такой, головой верхнюю перекладину у ворот достанет... О, и Донский играет!...

Серега лихорадочно толкал локтями поочередно то Мишку, то Витьку. В другое время они бы мигом дали сдачи, но тут... Захваченные предвкушением незабываемого зрелища не замечали этих тычков.

— Спартаковцы выходят!.. Малевкин... Соколов... Клим, глянь, а вон твой Акимов — «вратарь республики». Помнишь, книжку читали?! Тренер говорил — с Акимова списали...

Команды под аплодисменты и дружное скандирование болельщиков сошлись в центре поля с традиционным: «Физкульт-привет!». Судья дал свисток.

И сразу всё остальное вокруг перестало существовать для Мишки, Сереги, Витьки, Клима... Были только поле, футболисты и мечущийся меж игроками блестящий новенький мяч... Уже через несколько минут ребята вместе со всеми уже дружно кричали: «Сталинград, стоять насмерть!», «Трактор», давай!» и, конечно же, «Судью на мыло!».

А острые моменты возникали то у одних, то у других ворот. Казалось, футболисты забыли о том, что есть ещё второй тайм, и решили полностью выложиться в первом, только бы не обмануть надежды зрителей.

– Боюсь, сксинут наши, – вздыхал то и дело Витька. – Выбегаются, а спартаковцы потренированной...

– Кто скиснет? Наш «Трактор»? – как всегда, заспорил непримиримый Серега. – Да мы сейчас спартаковцев, как котят...

Но к концу первого тайма стало заметно – игроки сдали: и «трактористы», и спартаковцы уходили на перерыв измочаленными...

– Ну, как вам игра? – возбужденно поинтересовался у ребят вынырнувший невесть откуда Борис. – Вы же спецы... мне интересно ваше мнение. Кто выиграет? Я считаю – «Спартак»!

Последнее Борис сказал явно намеренно, чтобы поддразнить Мишкину команду. Так всегда водилось между истыми болельщиками, а сержант с самого начала не скрывал, что будет болеть, как коренной москвич, за «Спартак».

Мишке показалось зазорным спорить с ним, но на Серегу этот выпад подействовал, как на быка красная тряпка:

– «Спартак» к воротам пятится, как рак! – заговорил он вдруг ехидной болельщицкой рифмой, популярной на футбольных трибунах во все времена и которой раньше баловалась и их команда. – Ставим это вам в укор – забьет «Трактор» первым гол!..

Борис даже оторопел от неожиданности, а потом одобрительно захохотал:

– Да у тебя, Серега, прямо талант... Такая импровизация!.. Не ожидал, сознаюсь...

– А он и не так может, – поддержал друга Мишка. – Ну-ка, Серега, выдай ещё!

Серега было напрягся, но Борис примирительно махнул рукой:

– Ладно, верю...

Однако перед тем, как снова исчезнуть среди болельщиков, лукаво шепнул:

– И всё-таки выиграет «Спартак».

Но прав оказался Серега – в начале второго тайма «трактористы» под крики зрителей ещё больше взвинтили темп и... забили гол.

Серега так заорал у Мишки под ухом, что тот на полминуты совсем оглох.

Но спартаковцев гол не смутил, даже наоборот – подстегнул. И они принялись с такой яростью штурмовать ворота сталинградцев, что болельщики «Трактора» приумолкли, боясь сглазить удачу любимой команды. Последние пятнадцать минут были спартаковскими – дважды после их ударов мяч попадал в перекладину, в штангу, несколько раз мячи из разряда «неберущихся» брал вратарь «Трактора» Ермасов...

Финальный свисток судьи утонул в восторженном реве сталинградских болельщиков. 1:0!.. Зрители выбегали на поле, хватали футболистов «Трактора», качали и на руках уносили за пределы спортивной площадки. В голубое небо взлетел футбольный мяч – кто-то из игроков Сталинградской команды в избытке радости «свечкой» послал его высоко-высоко... На какое-то мгновение мяч завис где-то сбоку от солнца, сам похожий на маленькую планету.... И от того, и от другого мальчишкам было одинаково тепло.

– Один – ноль в нашу пользу! – крикнул во всё горло Серега и счастливо рассмеялся, погрозив в сторону кулаком кому-то невидимому. В той стороне был запад...

От автора

Три футбольных матча военных лет вошли в историю. «Матч смерти» киевских динамовцев против гитлеровской «Люфтваффе» в оккупированном фашистами Киеве. «Матч голодных» — проведенный в условиях блокадного Ленинграда. И третий — «Матч на развалинах Сталинграда», который и лег в основу этой короткой повести. И хотя её юные герои — лица вымышленные, но дух тех дней, того футбольного матча, впечатления сталинградцев подлинные. После той игры, как признавались мне некоторые его свидетели и участники, у них словно бы открылось «второе дыхание» и всё стало по плечу.

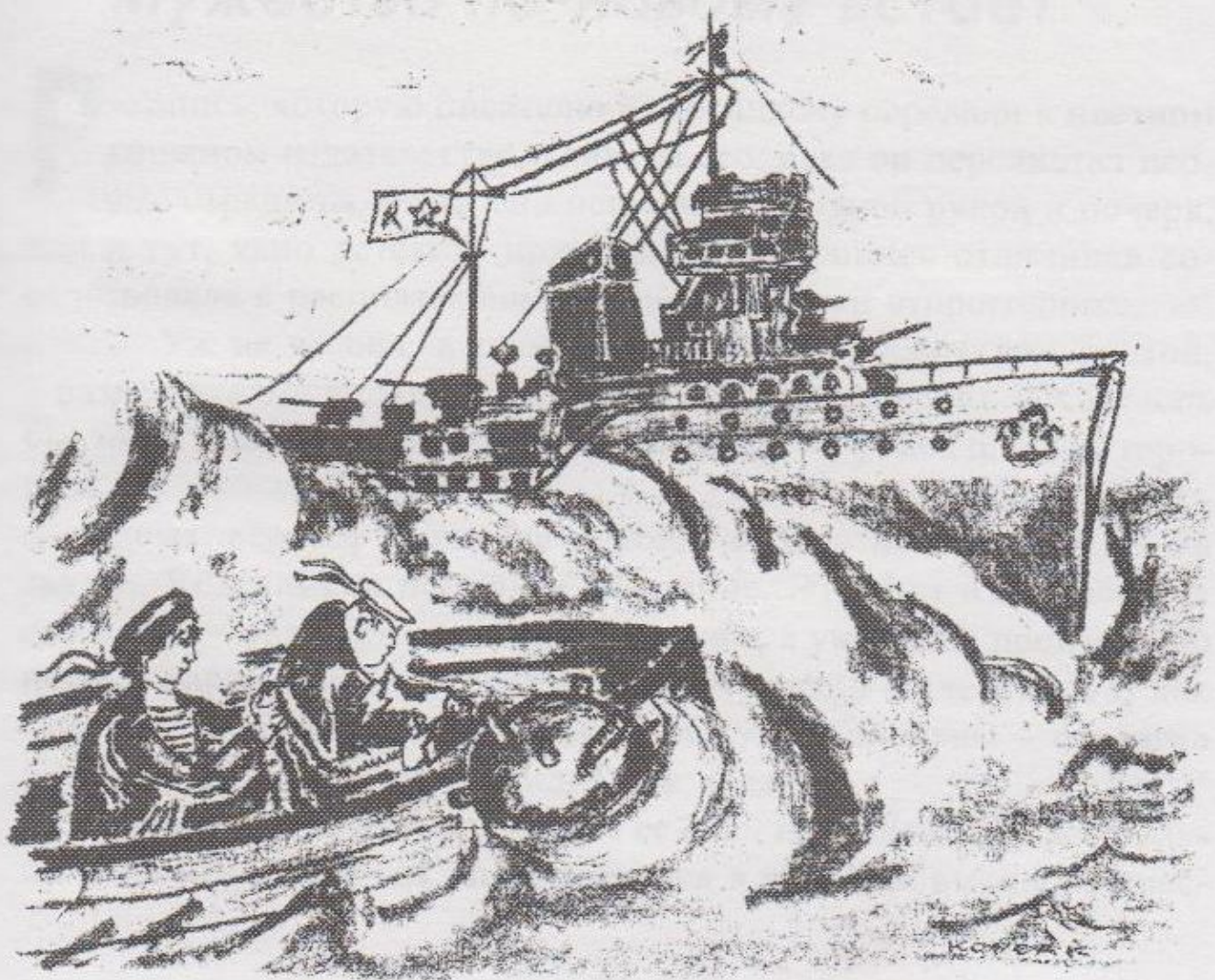
Волгоград.

1984 г.

Страницы дружбы
Владимир ЛЕСИНСКИЙ
Политическому отделу ЦК ВКП(б) и ЦК КПС(б)С

СИГНАЛЬЩИК

из 1942-го

Старшему другу
Евгению ЛЕСНИКОВУ,
повторившему человеческий и гражданский
подвиг Николая Островского, посвящаю

Мужество по-новому встаёт

Рукопись, которую писателю Колесникову передали в местном книжном издательстве, удивила его, едва он перелистал первые страницы. Были они исписаны не одной рукой и почерк, там и тут, явно детский: причесанная скоропись отличника соседствовала с расплзающимися иероглифами второгодника.

— Уж не взыщи, в таком вот виде и пришла к нам почтой, — развел руками редактор отдела детской литературы. — Хотелось бы знать твоё мнение: стоящая ли вещь? С рецензией не торопим...

Дома, верный привычке никогда ничего не откладывать на завтра, Колесников принялся за чтение. Это был излюбленный его метод — «проглотить» текст целиком, а уж потом пройтись по нему с карандашом не спеша. Зато рецензии Колесникова, как правило, были емки и полновесно аргументированы — отвергал ли он рукопись или рекомендовал к изданию.

Повесть, лежащая перед ним сейчас, нравилась ему всё больше — по мере того, как он погружался в неё. Чем именно, Колес-

ников пока объяснить не мог. Может, щедростью жизненных красок? Строчки смеялись, шалили – словно сами участвовали в проделках юных героев повести. «Призыву по возрасту не подлежит» – называлась она. Единственное, что несколько сбивало с толку и озадачивало – это странность её внешнего вида. Не могла же она, в самом деле, быть коллективным творчеством членов какого-нибудь школьного литературного кружка? За ней чувствовался человек взрослый, поживший. По почерк? Почерк?

Колесников взглянул на обратный адрес: «Улица Мира, дом номер... квартира... Лесников Е.Д.». Это совсем рядом.

«Что ж, если гора не идёт к Магомету, то Магомет... садится в троллейбус!». Писатель уже прикидывал мысленно, что скажет этому самому «Лесникову Е.Д.» – автору загадочному и небесталанному: «Тут, конечно, многое надо подчистить, поскрести... но в принципе... интересно, и даже очень!..».

... Колесникова впустили в длинную и темноватую общую прихожую «коммуналки»:

– К Евгению Дмитриевичу? Я его соседка...

И, опережая, засеменила вперёд, предупредить:

– Женечка, это к вам!

Колесников услышал негромкий, словно протискивающийся сквозь сжатые зубы голос:

– Входите...

В центре узкой, похожей на пенал комнаты стояла железная кровать. Почему-то её поставили именно так, посредине, будто желая выделить из обычного ряда предметов.

Но это уже было следующей мыслью, отразившейся в профессионально цепком сознании писателя. А первой мелькнула другая, чуть было, помимо воли, не вырвавшаяся восклицанием: «Как же так!».

На жестком матраце, до половины прикрытый белой простыней, неподвижно и прямо лежал будто замерший в остановленном миге человек. И эта поза, и обтянутые пергаментной кожей скулы, и бледный, резко обозначенный лоб – всё говорило о тяжелой болезни.

– Я с поручением... от издательства, – Колесников справился с минутным замешательством.

– А..., рад! Очень! – не шевельнувшись и не повернув головы, произнес лежащий. – Письмо из издательства я на днях получил. Но воспользоваться приглашением не мог... как видите.

Казалось, в этом человеке всё было сковано безжизненным оцепенением. Но жили, волновались скопленные на Колесникова глаза.

– Там удивились: рукопись написана разными почерками, – осторожно пояснил писатель. – Вот я и...

– Решили посмотреть, не завел ли автор «литературных рабов»? – шутливо закончил за него Лесников. – Не-е-т, это мне надо благодарить ребятишек из соседней школы – записывали под диктовку, по очереди. Шефство надо мной взяли. А вы, простите, не знаю имени-отчества... вероятно, редактор?

– Нет-нет, только рецензент. Колесников моя фамилия, Лев Петрович.

– Знаю вас заочно, читал книги. Спасибо, что пришли, – Лесников вроде бы попытался шевельнуться. – Вы всё больше о летчиках пишете.

– Это дело мне больше знакомо, – согласился Колесников, испытывая неловкость от того, что ему приходится говорить, стоя над лежащим. – В юности воевал на истребителях, в Корее...

– Да вы присаживайтесь... Лев Петрович? И не стесняйтесь, говорите, о чем хотите. Думаю, боевого летчика мой вид не смущает?

О рукописи он не спрашивал. И Колесникову было понятно это состояние любого начинающего литератора – боязни, надежды. Поэтому поспешил успокоить:

– Повесть вашу я прочитал. И скажу откровенно: пока она ещё сырая, требует основательной доработки. Но книжка, верю, должна получиться.

И сказал то, о чём неотступно думал:

– Но как же вы смогли, в вашем-то положении?

– А что мне остается? – губы лежащего дрогнули в невеселой усмешке. – Это единственное, за что я ещё могу зацепиться в жизни. Вы понимаете?

— Можно ещё спросить? Как это случилось с вами?

— Эхо войны, как принято сейчас говорить, — отозвался Лесников. И стал рассказывать — скупно, спокойно.

... 23 августа 1942 года Женька Лесников с приятелями отправился в кино. Смотрели «Чапаева». Сеанс ещё не закончился, когда на город налетели фашистские самолеты. И мальчишек загнали в бомбоубежище. А когда они, наконец, добрались до своей улицы, Женька увидел на месте их дома одни дымящиеся развалины. Впервые он порадовался, что нет родителей — отец ушел на фронт ещё в сорок первом, а мать — оперуполномоченный НКВД — вторую неделю находилась в командировке, в сельских районах.

Блиzkих родственников в городе не было, и бездомный Женька прибился к морякам Волжской военной флотилии. И когда бои завязались уже на сталинградских улицах, таскал краснофлотцам на передовую боеприпасы, как-то даже стрелял из автомата погибшего моряка. В один из дней, прижатые неприятелем к воде, бойцы привязали четырнадцатилетнего пацана к бревну и оттолкнули от берега: «Греби, мал ещё умирать...». Течение вынесло бревно и привязанного Женьку на отмель, на противоположный берег.

— Ну, а потом была школа юнг, в 1944-ом выпустился из неё сигнальщиком. Направили меня на Черноморский флот.

... Море штормило. Крейсер, на котором служил шестнадцатилетний сигнальщик Женька Лесников, возвращался из боевого похода. И вдруг... «Ми-и-на! Прямо по курсу мина!» — закричал впередсмотрящий. Рогатый шар, видимо, сорванный волнением с якоря, то появлялся, то исчезал в пенных гребнях.

Крейсер изменил курс, застопорил ход. В баркас сели трое: старшина, минер и сигнальщик Лесников. Подошли к мине почти вплотную, заарканили. Минер закрепил заряд, шнур. А когда стали отходить, неожиданно грохнул взрыв. Почему взорвалась мина, Евгений не знает до сих пор.

Колесников так четко увидел в воображении эту картину, будто сам стоял тогда на мостике крейсера.

— Болтались мы в воде недолго. Но море уже холодное было, декабрь... Видно, контузия и простуда сделали свое дело. Отлежал несколько месяцев в госпитале. Думал, уже без меня война закончится — «мама» выговорить не мог. Но в строй всё-таки удалось вернуться. Организм молодой был, крепкий. Однако, когда подал заявление в высшее военно-морское училище, медицины меня забраковала. Вернулся сюда, закончил институт. Успел ещё немного поработать прорабом на строительстве Волжской ГЭС. Но заканчивали там уже без меня...

— Раньше болезнь не чувствовали?

— Боли появлялись и после госпиталя. Вроде как при ревматизме. На корабле я себя греблей лечил. Как заносит спина, я — за весла! И через полчаса куда всё девалось...

Колесников слушал и считал про себя. ГЭС строилась до 1961 года. Значит?... Значит, Лесников лежит уже двадцать с лишком лет!

— Сначала позвоночник прихватило и ноги. Но руки ещё работали... Вот тогда решился попробовать писать. И первую повесть так и написал — лежа, сам.

— Так эта уже вторая? — поразился Колесников. — А та?..

Лесников помолчал, потом выдавил нехотя:

— Пропала...

И не стал уточнять.

Уходя, Колесников ещё раз, уже внимательнее и спокойнее, осмотрел комнату — старый белый шкаф в углу, телевизор на нём (так высоко?) с крохотным экраном, единственное окно, такое же узкое, как и сама комната. Понял теперь и то, почему кровать стоит в центре комнаты — врачам так удобнее.

Он нащупал под простыней неподвижную руку лежащего, легонько пожал, прощаясь.

Странное чувство испытывал Колесников. Знакомство с Евгением Дмитриевичем было словно возвращением в собственную боевую юность. Вот он прикрывает от врага горящий истребитель друга, а тот все не хочет выходить из боя...

Опять и опять возвращалось это чувство ночью, когда вновь перечитывал заключительные главы рукописи.

А потом, до рассвета, стучал на машинке, быстро и нервно: «Мужество по-новому встаёт, когда к нему приходит испытанье!», — сказал поэт. Автор повести «Призыву по возрасту не подлежит» Евгений Лесников это испытание выдержал — он по-прежнему в общем строю...».

Запечатал листки в конверт, пометил: «Москва, редакция газеты «Комсомольская правда».

Старуха

Первый вариант повести Лесников, как он и объяснил гостю, написал сам — руки тогда, хоть и с трудом, но повиновались ему.

Однако день ото дня становилось всё хуже: просто поесть, попить, умыться — и то было делом нелегким.

Так в его комнатухе появилась сиделка — высокая костлявая старуха, согласившаяся по просьбе соседей «приглядывать за паралитиком», как она выразилась. Разумеется, не безвозмездно — Лесников платил ей из своей пенсии.

Обреченный на неподвижность, а значит — и одиночество, он радовался любому общению. Обыкновенный разговор — и тот, казалось, вливал силы. Но соседи по «коммуналке» заглядывали редко: утром, чтобы проведать, сказать «Здравствуйте!», да вечером, проверить «Ну, как вы?..». У них было много своих дел там, за стенами их старого дома.

Попытки Лесникова разговорить старуху заканчивались бесплодно. Она молчком готовила ему на кухне, молчком приносила, так же молча кормила с ложечки. Сказала только, что родом из-под Новочеркасска: «Слыхали? Из казачества, значит... Жили — не бедовали. Папаша мой не последним человеком в станице был... до этой... революции...». О возрасте говорила: «Сколько годков ни есть — все мои...».

Она была набожна, то и дело крестилась сухими, сложенны-

ми шепоткой цепкими пальцами. И темное её лицо при этом ещё больше походило на засиженную липкой копотью икону.

С иконы-то, не настоящей, а так себе – картинка под стеклом, всё, пожалуй, и началось.

Однажды старуха принесла её сюда, завернутую в черный штапельный платок, и повесила в угол, недобро покосившись на большую фотографию Лесникова-старшего, отца Евгения Дмитриевича. Тот на фото был в краснозвездной буденовке и с кавалерийской саблей на боку.

– К чему вы это, Пелагея Артёмовна? – запротестовал было Лесников. – Знаете же, не верующий я.

– О душе подумать никогда не поздно, – отрезала сиделка. – Неужто все грехи на тот свет с собой брать? Господи, вразуми...

«Ладно! – решил Лесников. – Пусть висит, если её так хочется. Не воевать же, в самом деле...».

Но воевать пришлось – и очень скоро. Как-то старуха попросила его пустить в комнату знакомых – пересидеть ночь, «чтоб им к заутреней в церковь попасть, живут они далече!». Лесников не возражал, только спросил: куда же положить их спать в такой комнатенке? «А и не надо, не надо... В тепле, о четырех стенах – и боле им ничегошеньки не нужно...».

Они всю ночь о чем-то тихонько проговорили меж собой – бородатый благообразный старик и две юркие, словно мыши, старушки с подслеповатыми глазками – поглядывая на лежащего больного. А к рассвету так же незаметно тихонько исчезли.

Но с того визита эти и другие старухины «сестры и братья во Христе» зачастили сюда под разными предлогами.

– Вы что же, хотите из меня «святые мощи» сделать? – посмеивался Лесников.

Однако предложения «обратиться в истинную веру, обрести покой душевный» и посулы на «царствие небесное» становились всё упорнее. Пока он, наконец, не сказал старухе: «Хватит! Всё!».

Лесников ожидал, конечно, что та обидится, попрекнет. Но то, что произошло с ней на самом деле, поразило его.

Старуха прямо-таки задыхалась от злости, кривя тонкие бескровные губы-щелки с пузырьками пены в уголках:

– Кем брезгуешь? Господом нашим!.. Люди к тебе с лаской да радением, а ты... И-их! Какой брезгливый выискался... Сам-то уже ногой в могиле, а туда же... Посмотри! Посмотри, на что похож? Скелет, прости Господи... В чём душа держится... Кому ты нужен? Инвалид!..

Признаться, на миг Лесникову стало страшно. Он действительно был абсолютно беззащитен перед оскорблениями и перед той убывающей, но злой силой, что оставалась ещё в тщедушном старухином теле.

На его беду, ища выход своей злости, она схватила со столика рукопись, которую он дописывал, уже едва шевеля пальцами, соскальзывающим и то и дело ломающимся карандашом.

– Не сметь! – крикнул он. – Не сметь!

Но это только распалило старуху. Она поняла, чем может сейчас досадить ему побольней. И в исступлении стала рвать страницы в клочья.

А Лесников, потрясенный этим неведь откуда прорвавшимся потоком ненависти, только глядел и глядел молча на старуху.

И та, утихая, отступая, ушла, чтобы больше никогда не вернуться в его комнату.

Он ещё долго лежал в одиночестве и думал о том, что ядовитое семя прорастает не только в земле. Оказывается, оно и в человеческой душе может прорасти, давая всё новые, такие же ядовитые побеги через годы и годы.

Тот, кто увидел бы самого Лесникова в ту тяжелую для него минуту, таким бы его и запомнил – сбитым навзничь, но готовым продолжать драку.

«А книгу я всё равно напишу, – шептал он самому себе. – Обязательно напишу. Заново!».

Подшефный

Как «вышли» на него мальчишки из соседней школы, Лесников не знал. Вероятнее всего, сработал беспроводный ребячий телеграф. Но как бы то ни было, однажды к нему заявила целая пионерская делегация, объявившая, что отныне они, 7 «Б», берут над ним шефство.

— Будем в аптеку ходить за лекарствами, в магазин, пост в вашей комнате установим..., — перебивая друг друга, шумела ребятня.

И Лесников, намеревавшийся сначала, поблагодарив ребят, отказаться, объяснив, что в его положении нужна опытная терпеливая сиделка, неожиданно для себя самого согласился: «Шефствуйте, раз такое дело...».

Он и не подозревал, каким бурным было накануне собрание в 7 «Б».

Идею о подшефном принёс в их пионерский отряд Димка Мельников — известный классный заводила.

— Кто этот дядька? Скажи, Мельник? — допытывался у него староста Юрка Естрин. — Его на войне так сильно ранило? Фронт-товик?

Димка пересказал всё, что слышал во дворе, — он жил там же, где и Лесников. О том, что тот раньше работал на стройке, потом заболел и уже вот столько лет не может даже встать, чтобы пройти по комнате...

Юрка скептически надул и без того пухлые щеки:

— Я думал, тяжелое ранение, на поле боя... А больных много! За ними должны родные ухаживать и врачи.

— Ага, тебе не помочь человеку хочется, а доказать: «Смотрите, вот я какой хороший! Герою помогаю!» — вскинулся стриженный бобрик на Димкиной голове. — А если просто за больным ухаживать, могут ведь и не заметить?!

— Не-е, я просто так сказал, — пошёл на попятную Юрка.

— За ним некому сейчас ухаживать, — сообщил Димка. — Поэтому мы должны.

– Правильно, Дима, – поддержала его Света Козлова, юнкор школьной стенгазеты. – Будем тимуровцами. И напишем об этом в стенгазету, чтобы и другие последовали нашему примеру.

– Ну вот, и ты туда же, – закипятился опять Димка. – Мы же беремся за это не потому, чтобы показать, мол, «какие мы добренькие!». А чтобы сделать добро. Тут вам не «мероприятие». И говорить никому не надо: ни учителям, ни родителям. Клянемся?

– Вечно у тебя какие-то завихрения, – съехидничала Светка. – Ты бы ещё землю нам предложил съесть! Или кровью расписаться... Обойдемся без клятвы.

Они исправно, по очереди, а то и по несколько человек сразу, дежурили у койки Лесникова. И он, развлекая ребят, принялся пересказывать им содержание уничтоженной старухой рукописи.

– Как вы складно всё рассказываете! – удивлялись семиклашки. – Как наша Матильда, то есть Матильда Сергеевна, литераторша. Только у неё всё по школьной программе. А у вас прямо книга получается, только записывай.

Тогда и мелькнула у Лесникова мысль: «Ребята! Вот кто поможет восстановить рукопись».

– Хотите мне помогать по-настоящему? – спросил он юных шефов. – Давайте вместе напишем повесть. Я – диктую, вы – записываете. Идёт?

– Идёт! – загорелись ребята. – Давайте сегодня и начнём, прямо сейчас.

И тут же заспорили: кому записывать первому?

– Я буду, – тянул к себе листок Димка Мельников. – У меня почерк... это... каллиграфический.

– Катастрофический он у тебя, а не каллиграфический, – уколола Светка. – Ты в одном слове десять ошибок делаешь.

– Когда это? – вытаращился на неё Димка, подумав про себя: «Вот заноза!..».

– Забыл, что ли, про «глупокомысленный взгляд»? – прищурила свои кошачьи глаза Козлова.

Все захохотали.

— Он недавно на диктанте вместо «глубокомысленный» написал «глупокомысленный взгляд», — наябедничала Лесникову Светка. — Даже наша литераторша рассмеялась, первый раз за весь учебный год, представляете?

Решили: первой станет записывать сама Светка, как будущий журналист.

Дело у них продвигалось довольно споро. Правда, сначала Лесникову трудно было приладиться к такому способу, когда кто-то сидит и ждет его слов. Тем более, что ребятам не терпелось узнать: что же там, дальше, будет с героями его повести? И они то и дело спрашивали об этом... Мысли сбивались, путались, приходилось возвращаться назад, просить своих начинающих «стенографов» что-то перечитать. Но постепенно Евгений Дмитриевич привык, приноровился, и всё пошло на лад.

В один из таких «литературных вечеров» Лесников надиктовывал главу, в которой его юные герои в начале войны стали собирать средства и металлолом на постройку своего, «пионерского» танка. Даже клад пытались найти, чтобы ускорить дело.

Записывал это место Мельников, языком которого, по утверждению всё той же Светки Козловой, можно было запросто и муку молоть.

Он и в этот раз не изменил себе:

— И что, нашли они клад? Танк построили?

Лесников загадочно молчал.

— Ну, Евгений Дмитриевич, мне-то вы можете сказать? — не отставал Димка. — Построили танк? Может, их и в экипаж потом зачислили? Хоть одного? Вот было бы здорово! А, Евгений Дмитриевич? Давайте так напишем?

— Нет, Дима, воевали другие, — улыбнулся Лесников. — Но средства на танк и металл они всё-таки собрали, сообщу тебе по секрету... Но об этом — дальше. А пока — никому ни-ни...

Мельников понимающе приложил палец к губам.

Эта история имела любопытное продолжение.

С некоторых пор Лесников стал замечать изменение в поведении ребят. Они заговорщически перешептывались и пере-

мигивались в его присутствии, а в разговорах проскальзывали словечки вроде «Вторчермет», «мартен» и почему-то «лауреат».

Так продолжалось не одну неделю. А к середине школьной четверти, уже в апреле, пионеры примчались к нему сияющие, как начищенные пионерские горны:

– Ура, Евгений Дмитриевич!.. Мы собрали!.. Собрали! На целый трактор!..

– Что собрали? Какой трактор?

– Да на наш же! На пионерский... – Димка торжествовал больше других. – Помните, вы диктовали про танк? Как ребята железо для него собирали и деньги? Я потом целую ночь не спал, всё думал... И придумал: мы тоже соберем столько металлолома, чтобы его хватило на трактор. Сейчас же не война – пионерский танк, как у них тогда, теперь не нужен, наверное. А вот трактор... На нём же землю пахать будут, хлеб выращивать. Здорово, правда?

– Здорово! – согласился Лесников, радуясь не меньше ребят, но уже своему, затаенному: «Значит, что-то получается, если уже сейчас рукопись оказалась полезной вот этим сорванцам...».

– Директор школы договорился с металлургическим заводом – завтра у них в мартеновском цехе «пионерская плавка», – делились новостями ребята. – Будут, сказали, наш металлолом переплавлять. А на тракторном заводе обещали потом трактор из него сделать. Именной! Мы его хотим подарить самому лучшему механизатору – лауреату премии Ленинского комсомола. О нём в газете писали.

Спустя ещё некоторое время они вновь собрались у Лесникова. На этот раз – почти всем отрядом.

– Евгений Дмитриевич, можно включить телевизор? – спросил Димка Мельников, пока остальные, гомоня, рассаживались кто где.

– Включай, будь добр, – отозвался Лесников, угадывая тень какой-то тайны на Димкиной физиономии.

– Сюрприз! – поглядев на часы, торжественно объявил Мельников, щелкая переключателем.

Маленький экран мигнул, засветился. И когда изображение наконец установилось, Лесников замер.

На экране замелькали кадры сельской хроники: поле озимых, полевой стан, выступление агитбригады... И вдруг!.. В кадр вплыл главный конвейер тракторного завода.

«Молодому механизатору... комсомольцу... вручен новый именной трактор! – сообщил диктор за кадром. – Металл для этого трактора собрали учащиеся нашего города. Они и передают его трактористу на торжественном митинге в сборочном цехе предприятия...».

И Лесников увидел на экране радостные лица Димки Мельникова, Светы Козловой, Юрки Естрина и других своих шефов.

– Ура! – заорал, вскакивая, Димка. – Евгений Дмитриевич... Видите?! Нас показывают! Ура!..

– Ура! – загорланили все.

Крупным планом показали и самого «виновника торжества» – оранжевый крутобокий трактор, только что сошедший с конвейера. И Лесников понял о каком сюрпризе говорил Димка – они приготовили его ему, Лесникову. На дверце трактора вилась красочная надпись. Это было имя главного героя его повести.

Два письма

Июльское солнце так расплавало привокзальную площадь, что едва Вадик шагнул с последней лестничной ступеньки, подошвы его сандалий мгновенно прилипли к асфальту, будто тот был густо намазан канцелярским клеем.

– Улица Мира? Шагай прямо через пешеходный переход, – ответил ему первый же прохожий. – Минуешь «Пельменную», книжный магазин... И – налево... Вот она и будет – улица Мира! Тебе какой дом? А... Это ещё проще. Увидишь планетарий – там и нужный тебе адрес...

После того, как в «Комсомольской правде» появился очерк

писателя Колесникова «Сигнальщик из 1942-го», к Лесникову со всех концов страны посыпались письма. В них была поддержка, восхищение, советы и... даже рецепты, как справиться с болезнью — неосуществимые, но трогательные в своей неподдельной искренности.

И всё же одно письмо, полученное Евгением из далекого уральского городка, было не похоже на остальные.

«Дорогой Евгений Дмитриевич, — писали муж и жена Строгановы. — Наш сын Вадик прочел в газете о вашей замечательной жизни и подвиге. И нас заставил прочесть. А потом сказал, что хочет сам обязательно встретиться с Вами. Мы ему раньше обещали, что если он без троек закончит восьмой класс, то купим ему мотоцикл, о котором сын давно мечтает. И вот теперь он всё перерешил по-своему: «Не надо мне мотоцикла. Давайте на эти деньги купим Евгению Дмитриевичу цветной телевизор. Вы же читали: у него первого выпуска стоит, с маленьким экраном. А он всё время один. Ему же никак нельзя без хорошего телевизора!.. А остальные деньги дайте мне на дорогу. Я поеду туда, к нему!». Уважаемый тов. Лесников, ответьте: может ли наш сын приехать к вам и погостить, хотя бы на недельку? Мы пробовали его переубедить, но тщетно. Видимо, это действительно важно для него — увидеть Вас. Ведь ему предстоит выбрать свой путь в жизни. Каким он вырос? Не знаем. Но этим его поступком, признаемся, по-родительски гордимся. Даже не ожидали такого от него...».

Лесников предложение о подарке деликатно отклонил, а на просьбу ответил коротко: «Передайте Вадиму, пусть приезжает. Буду рад!».

... Вадик шел по мягким тротуарам, и каждый шаг отзывался в душе музыкой, глубокой и светлой.

И всё дальнейшее было каким-то нереальным, будто происходило не с ним, а с совершенно другим человеком.

Круглая низкая арка, фонтан во дворе — абсолютно сухой, без воды, с хороводящими вокруг него потрескавшимися гипсовыми фигурками. Окно, на которое ему указала девчонка, тоже

было удивительным, фантастическим – до самой форточки насыпано чем-то непонятным, оранжевым... «Апельсины?!», – изумился он ещё больше.

Некоторый сковывающий страх перед дверью, за которой чьи-то шаги и почему-то повизгивание. Дверь распахивается – доброе увядшее женское лицо... Полные руки обнимают за плечи, подталкивают, ведут... В ноги тычется влажным носом рыжий лопухий щенок... «Притащили ребятишки!..».

Белая госпитальная простыня, голова, пятном темнеющая на подушке... Глаза скользят по этому пятну... Оно обретает реальные черты: сухие, словно выточенные из слоновой кости... Взгляд бежит дальше, дальше... На стене портрет – буденовец... И ещё один, увеличенный, – юное лицо с едва намечающимся пушком на верхней губе, ленты бескозырки касаются щеки... Неужели тоже – он?..

– Здравствуй, Вадим! Приехал? Хорошо, молодец... А это, познакомься, Людмила Михайловна... Моя няня... Смешно, видишь, – взрослым тоже, оказывается, бывает няня нужна.

Вадик кивал, по-прежнему плохо соображая от волнения.

Потом он что-то ел на кухне, за столом, застеленным цветной клеёнкой. Затем долго сидел рядом с кроватью Лесникова. И говорил, говорил: о своём маленьком уральском городке, куда не дошла война, о своём классе и одноклассниках, о книгах, которых «прочёл уйму, даже философов – только ничего у них не понял!», но всё больше – о героях, о подвигах. Спешил высказаться, чтобы его правильно понял ЭТОТ ЧЕЛОВЕК. Понял, почему он приехал сюда! И чтобы с помощью Лесникова самому понять что-то такое, до сих пор неясное, заставившее его отправиться в такой неблизкий путь, к незнакомым людям. И он сейчас счастлив, что его слушают, что с ним разговаривают на равных и просят не стесняться, доставать из-за рамы апельсины, присланные как гостинец Евгению Дмитриевичу откуда-то из Абхазии совершенно посторонними людьми, и лакомиться.

Через какое-то время (Час?.. Два?.. А, может, десять?) в комнату ввалилась компания ребят, по всему – одногодков Вадика,

которых Лесников почему-то смешно называл «шефами». Окружили Вадику, затормошили, забросали вопросами.

— Мы вместе с Евгением Дмитриевичем читали письмо твоих родителей, — сообщил Вадику веселый, похожий на колючего ежа, мальчишка (Димка Мельников — узнал потом Вадик). — Это ты правильно решил... Приехать!.. Никуда мотоцикл не денется...

И похвастался:

— Я раскладушку из дома сюда для тебя перетащил. Будешь на ней спать.

Другие тоже держались дружелюбно, так что Вадик очень быстро почувствовал себя здесь своим. И естественно было, что ребята, разбегаясь по домам, наказывали ему на равных: «У нас тут пионерский пост, понял?! Сегодня ты будешь дежурить... Вот график приема лекарств, вот аптечка, номер телефона «Скорой помощи»... Действуй, мы на тебя надеемся!».

Ночью, боясь шевельнуться на скрипучей Димкиной раскладушке, Вадик прислушивался к затрудненному дыханию Лесникова, опять испытывая чувство тревоги и гордости от того, что он здесь, что ему доверена опека, «а, может, и жизнь героя!», о котором сегодня знает вся страна. Видели бы его родители! И эти мысли поднимали Вадику в собственных глазах на такую непостижимую высоту, что звенело в ушах...

Разбудил его утром стук — это пришедшая уже Людмила Михайловна неосторожно поставила на пол стеклянную «утку».

Вадику стало неловко, и он, отвернувшись к пустой стене, сделал вид, что ещё спит.

По тусклым разводам выцветших обоев бродили серые тени. И мальчишке вдруг щемящее захотелось домой, в свою комнату, где так хорошо и уютно, где одна стена целиком занята богатой домашней библиотекой, из-за чего приятели дразнили Вадьку «книжкин сын». А на другой стене — толстый пушистый ковер с восточным орнаментом, в хитросплетениях которого, как утверждает отец, зашифрована какая-то жуткая тайна... Хорошо дома!

Он нарочно чихнул, чтобы дать понять — проснулся.

— Как спалось на новом месте? — улыбаясь, спросила Людмила Михайловна. И тут же улыбку сменила озабоченность. — Иди, умойся в ванной, и я тебя покормлю. А к Евгению Дмитриевичу сейчас «скорая» приедет, по графику. Ему по утрам особенно худо. Колоть будут...

Действительно, Лесников лежал молча. Хотя по подрагивающим векам было заметно — не спит. И желваки на скулах сведены от боли в тугие бугорки.

Пока Вадик завтракал, Людмила Михайловна тут же перетирала на металлической терке морковь. «Евгению Дмитриевичу запрещена обычная пища, — объяснила она. — Только соки, бульоны, да вот такие перетертые овощи...».

Приехала «скорая». Вадик сунулся было в комнату, но врач, строго взглянув на него, велел закрыть дверь.

— Сейчас медицина будет на мне свои инквизиторские штучки пробовать, — невесело пошутил Лесников, делая ему знак глазами «так-то, мол, брат...».

Вадик успел заметить на тумбочке блестящие пинцеты, щипчики, шприцы с кривыми иглами...

Когда «скорая» уехала, он любопытствовал у Лесникова о назначении этих инструментов.

— Не надо тебе и знать-то об этом, — вздохнул тот. — Есть, видишь ли, такая неприятная штука, как омертвление конечностей...

И пошутил опять:

— Всё как у Мюллера в бункере. Смотрел «Семнадцать мгновений весны»?

Вадика эта шутка покорила. Он исподтишка поглядел, уже внимательнее, на костистые, искривленные болезнью пальцы Лесникова с коричневыми ногтями и содрогнулся от неприятного ощущения, из-за чего ему тут же стало стыдно.

И когда Людмила Михайловна попросила сходить в магазин, Вадик с облегчением выскочил на улицу — к свету, солнцу, к людям... Сделав покупки, он позволил себе ещё попетлять немного по незнакомым улицам, потому что возвращаться сразу не хотелось.

В подъезде столкнулся с одной из вчерашних девчонок, приходивших к Лесникову. Её, кажется, звали Светка. Да, да, именно так. Она деловито поздоровалась с ним, протянув узенькую ладошку:

— Привет! Ты из магазина? Поможешь мне порядок в комнате наводить!

— Ладно! — без особого энтузиазма отозвался Вадик.

Так прошёл день, ещё один...

Легкое облачко разочарования рождалось в Вадькиной душе. Нет, совсем не так представлял он себе эту поездку и жизнь здесь, рядом с человеком из легенды. Он думал, что они в одиночестве будут вести долгие мужские разговоры о подвигах, о войне. Ожидал увидеть мужественного нестигаемого борца, какого-то особенного человека, похожего на любимого Овода или на Павку Корчагина из телефильма, который он смотрел, наверное, раз пять и где страдали и даже умирали красиво. Верил, что рядом с этим человеком и он, Вадька, перестанет наконец быть просто «книжечным сыном»...

А тут... «утка», жиденькое морковное пюре, суетня ребят вокруг, разговоры о самом обыкновенном — то о жаре, то о рыбалке, то о том, что пишут в газетах. И, если честно, совсем не походил лежащий на койке больной на героя, каким он грезился Вадиду из его уральского далека.

Несколько раз Евгений Дмитриевич просил Вадьку записывать за ним под диктовку — он, по совету Колесникова, начал, не откладывая, работу над второй частью своей повести. Вадик без привычки записывал медленно и неточно, часто переспрашивал. И видел, как нервнует это Лесникова, хотя тот ни словом не попрекнул его. Но само это скрытое раздражение, и ещё одно сделанное Вадькой и неприятно поразившее его открытие — то, как нетерпеливо ожидал Лесников каждого визита «скорой» — усиливали разочарование. Ему было невдомёк, что лишь укол избавляет больного от невыносимой, постоянно гнетущей боли, да и то на короткое время.

И на четвертый день Вадькины ноги сами собой привели его

к железнодорожным кассам. Так же, будто автоматически, он встал в очередь и взял билет на обратную дорогу. Потом долго сидел на лавочке, не смея войти к Лесникову, и придумывал, как бы правдоподобнее объяснить свой отъезд. Не придумывалось.

— Пора мне уже... Скоро школа, и вообще... Спасибо вам! И извините... — только и сумел выговорить он, торопливо прощаясь. Взглянуть в глаза боялся.

— Торопишься? Ну что ж... — Евгений Дмитриевич почувствовал что-то неладное в поведении мальчишки, не догадываясь пока, чем это вызвано. — А, может, погостишь ещё? С ребятами бы за Волгу махнули, как вы договаривались... Там рыба-а-лка, ух-х!...

— Нет, мне надо домой... Спасибо! — продолжал выдавливать из себя Вадька какие-то необязательные, сам чувствовал, слова.

— Поезд у тебя когда? — спросил Лесников. — Может, ребята проводят?

— Не надо! — испугался Вадик. — Поезд через два часа. Просто передайте им от меня привет... И всё.

... Уже в сентябре, когда его юные шефы снова сели за парты, Евгений получил ещё одно письмо с почтовым штемпелем того уральского городка.

«Дорогой Евгений Дмитриевич, всю обратную дорогу думал и думал: что со мной произошло? — писал Вадька. — Я ведь, честное слово, так рвался к Вам... А потом вдруг взял и уехал спешно обратно. Вы догадываетесь — почему? Да я и не хочу скрывать, хотя мне стыдно. Обо всём я рассказал нашему учителю Михаилу Семеновичу, он тоже фронтовик... Учитель мне ответил, что издалека всегда легче быть добрым. А вот рядом... Куда труднее помогать в каждой мелочи и каждый день. И ещё он сказал, что я оказался не готов к встрече с Вами. И я думаю, что пока, видимо, я не очень хороший человек. Но постараюсь стать лучше. Поверьте, Евгений Дмитриевич! Быть не на словах добрым, а на деле. Не говорить о помощи, не фантазировать, а помогать тому, кто будет во мне нуждаться!..».

Возвращение Корчагина

Когда пассажирский теплоход «Георгий Жуков», приняв на борт своих очередных временных хозяев – группу московских туристов, снова отвалил от причала, на этот раз – саратовского, по судовому радиотранслятору объявили: «Внимание! Через несколько минут в музыкальном салоне состоится встреча с Антониной Александровной Зыбиной, работавшей секретарем пламенного писателя-бойца Николая Островского. Антонина Александровна вместе с нами совершает это увлекательнейшее путешествие по Волге. Приглашаем вас на встречу!».

А после того как встреча закончилась и экскурсанты разошлись по каютам, к задержавшейся на палубе Зыбиной подошла немолодая женщина. Антонина Александровна видела её до этого среди своих самых внимательных слушателей.

– Очень признательна Вам за рассказ об Островском, – сказала женщина. – Вы счастливая...

И, вздохнув, продолжала:

– Столько дней были рядом с ним, общались... А Вы знаете, я ведь была на том комсомольском съезде в Киеве, о котором вы рассказывали. Нам, пионерам, поручили тогда дарить цветы самым почетным гостям съезда. И вот когда объявили, что «слово предоставляется делегату Островскому!», мы все кинулись к сцене, чтобы приветствовать писателя. Большинство-то не знало, что книга «Как закалялась сталь» настолько биографична... Но трибуна была пуста. А голос Островского звучал из динамиков, установленных на сцене и в зале...

Они полюбовались волжским пейзажем, всегда по-новому открывающимся с большой воды.

– Вы с нами до самой Астрахани? – поинтересовалась женщина.

– Нет, я по дороге сойду, – ответила Зыбина. – К вам присоединюсь уже на обратном пути в Москву.

– А сюда к родным? Навестить?

— Нет, в этом городе я никогда раньше не бывала. В первый раз еду... А навестить действительно надо. Одного человека. Вот, видите, волнуюсь даже. Уж очень похожа его судьба на судьбу Островского. Зовут этого человека Евгений Дмитриевич Лесников.

А спустя сутки Антонина Александровна сидела в маленькой комнатухе Лесникова, смотрела на его лицо, поражаясь уже чисто внешнему, физическому сходству лежащего с Николаем Островским.

Всё повторяется — и счастливое, и горькое. Ей вспомнилась встреча с писателем — не первая даже, а вторая, потому что первую она помнила плохо от охватившего её тогда волнения. А следующая началась неожиданно. Островский встретил её лукавой улыбкой: «Кто к нам пришел? Ах, это Чио-Чио-сан?!». И рассмеялся: «Ты только не обижайся. Я расскажу тебе, какая ты. Невысокого роста, полненькая, носик кверху. А глаза маленькие — когда ты смеешься, они совсем закрываются. Вот видишь — ты вылитая Чио-Чио-сан...». И Тоня тогда рассмеялась вслед за ним, сразу почувствовав себя легко и раскованно. Оказывается, ослепший Островский всегда просил родных описывать ему внешность новых знакомых.

Она не заметила, что и сейчас невольно улыбнулась воспоминанию. И услышала голос Лесникова:

— Вот Вы и улыбнулись, наконец, Антонина Александровна. А то можно подумать, что это я Вас в такую тоску загнал. Наоборот, поверьте, люблю, когда вокруг веселые люди. И самому легче дышится...

— В таком случае, не беспокоюсь за Вас, Женя, — тепло ответила Зыбина. — Собственные наши беды не должны от нас весь мир заслонять. Вижу, с Вами этого не случилось... Николай Алексеевич такой же был — шутки любил, песни. Говорил, что «в седле надо держаться всегда!» и не хныкать, в какой бы оборот тебя жизнь ни взяла.

В прихожей загомонили, раздался ребячий смех, топот и шарканье.

Зыбина удивленно обернулась.

— Это, наверное, мои шефы пришли, — пояснил Лесников. — Они у меня тут настоящий санитарный пост учредили. За старшего у них Света — слышите, приказывает всем разуваться.

И уже громко, в сторону двери:

— Входите, ребята, можно!..

«Здрасьте!..» — возникали они на пороге один за другим: Димкин бобрик, Светкины банты-паруса, Венькины очки-телескопы...

О приезде Зыбиной уже знали и потому держались чинно, даже Димка.

— Ой, ребятки, оставьте вы эти китайские церемонии, — взмолилась Антонина Александровна. — Я ведь тут просто гостья, а вы — помощники и друзья Евгения Дмитриевича! То-то...

— Вот, прошу Антонину Александровну рассказать о Николае Островском, — сказал Лесников.

— Расскажите! Расскажите! — дружно подхватили ребята.

И Антонина Александровна начала с того памятного эпизода знакомства с писателем, о котором только что мысленно вспоминала. А затем, увлекаясь и заражаясь жадным вниманием своих юных слушателей, стала рассказывать о том, что по соседству с Островским жил мальчик-скрипач, сдружившийся с писателем и часто игравший ему на скрипке.

— Об Островском, как и о его Павке Корчагине, до сих пор спорят: каким он был? Аскетом, отказавшимся от всего личного ради идеи? Чуть ли не фанатиком? А он был... — Зыбина обвела всех веселым взглядом. — Он был простым и общительным человеком. «Сухарей» сам не выносил. Заботы страны сливались у него с личным воедино. Потому все мы, кто его тогда окружал, так обожали своего любимца.

— А как он работал, как надиктовывал тексты? — не удержался Лесников.

— Очень сосредоточенно работал, — поняла суть его вопроса Антонина Александровна. — В это время в квартире соблюдалась абсолютная тишина...

Ребята переглянулись.

— А хотите, расскажу, как он однажды пригрозил завести на нас, его помощников, «черную доску»?

И она принялась подробно пересказывать всплывшую сейчас в памяти историю, когда кто-то из их «женской бригады» — по шутливому определению Островского — не купил вовремя копирку для пишущей машинки. И писатель из-за этого потерял несколько рабочих утренних часов, которыми особенно дорожил. Поэтому вечером, беседуя с делегацией какого-то московского завода, поинтересовался у рабочих-комсомольцев: как они воюют с лодырями и бракоделами? «Мы их заносим на «черную доску»! — сообщили те. «Прикажу и у себя такую завести, — рассмеялся Островский. — Чуть кто из моих помощников проштрафится, так его сразу — на «черную доску». А я провинюсь, и меня туда же!...».

— Евгений Дмитриевич, а Вы сами когда впервые прочли его «Как закалялась сталь»? — спросила Зыбина.

— В сорок первом, в самом начале войны. Отец уходил на фронт добровольцем и подарил на прощание...

Лесников мысленно увидел Сталинградский вокзал 1941 года, беженку с Украины с двумя малышами, которым отец отдал продукты из своего вещмешка — солдатский НЗ, выданный на дорогу. Отец и книгу принес прямо сюда, на вокзал, потому что уже несколько недель жил вне дома, на сборном пункте, на казарменном положении. Книгу Островского он то ли купил, то ли выпросил у кого-то из товарищей. Передавая её Женьке, наказал: «Прочти непременно! Тут о моём поколении написано. Выходит, и обо мне немного...». И прижал Женькину голову к гимнастерке так крепко, что в щеку вдавились холодные металлические пуговицы.

Отец погиб в самом конце войны. А книга сгорела в сорок втором вместе с их домом, в ту памятную бомбежку. Но к тому времени Женька успел не один раз перечесть её, а отдельные главы знал почти наизусть.

— Вы, Женя, по возрасту Николаю Алексеевичу и его Корчагину как бы сыном приходитесь, — сказала Зыбина.

И он опять удивился её способности читать его мысли.

— А стали братом — по судьбе, по духу, — продолжала Зыбина. — Оставайтесь и впредь таким же мужественным. Как он. А я ведь из Москвы не с пустыми руками к вам приехала. Подарок привезла...

Она взяла бумажный пакет, лежавший до времени у неё на коленях, развернула, и Евгений Дмитриевич книгу: желтая обложка, черный корешок...

— «Рожденная бурей», — Антонина Александровна любовно погладила ладонью томик. — Островский очень торопился её закончить, боялся не успеть. Когда в издательстве ему дали три месяца срока, чтобы внёс изменения, Николай Алексеевич ответил: «Нет, мне надо спешить. Я каждую минуту могу свалиться...». И мобилизовал на помощь всех — и нас, и знакомых. Работал по 10-12 часов, управился за месяц. И тут же у него начался новый приступ болезни, последний... В издательстве всё сделали, чтобы выпустить новую книжку Островского как можно скорее. И она вышла, но... уже вот в таком траурном оформлении — желтое с черным.

Зыбина положила книгу на краешек кровати.

— Мне этот экземпляр очень дорог. Но Вам, Женя, передаю его с радостью...

Ребята провожали Антонину Александровну до самой гостиницы, где ей на несколько дней забронировали номер. А когда вернулись, Лесников, словно умытый ключевой водой, как-то разом посвежевший, скомандовал, с улыбкой глядя на них:

— Лишних — за борт! Чья сегодня вахта? Нами с вами в издательстве тоже немало «арбузов» накатали, а?! Так-то... Поэтому — за работу! Начинаю диктовать...

Вместо эпилога

Жизнь подарила мне всего несколько лет дружбы с этим удивительным человеком — настоящим сталинградцем Евгением Дми-

триевичем Лесниковым. Но время это незабываемо и дорого мне. Моего старшего друга не стало в конце 70-х годов прошлого века. Похоронен он на кладбище Дзержинского района Волгограда. Каждый год весной навещающие его могилу школьники украшают растущие вокруг неё деревья гирляндами из ярких пионерских галстуков, похожими издалека на знаки морского флажного семафора, которые знал назубок он, «сигнальщик из 1942 года», Женька Лесников.

Волгоград
1985 г.

Содержание

Спаси меня	3
Команда	41
Сигнальщик из 1942-го	69

Павшук Владимир Алексеевич **Сигнальщик из 1942-го**

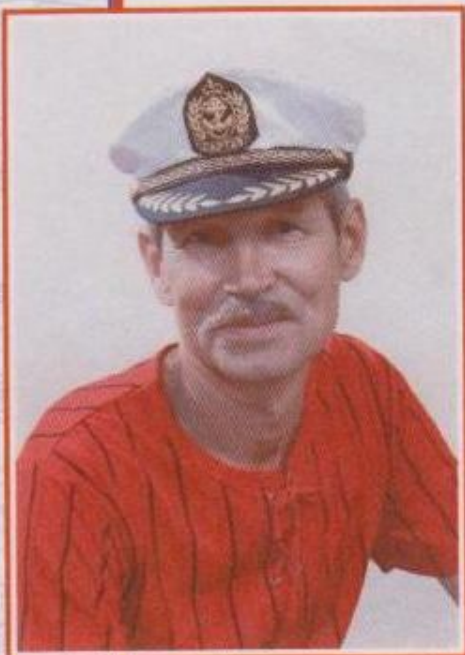
Сборник художественно-документальных повестей

Художник А.М. Корсаков

Дизайн Скориковой Н.Н.
Верстка Скориковой Н.Н., Сергеевой Л.В.
Корректор Ильчукова Н.М.

Подписано в печать 23.05.2013 г.
Формат 60x84 1/16. Печать офсетная. Бумага офсетная.
Усл. печ. л. 5,6. Тираж 100 экз. Заказ 331.

Отпечатано в типографии издательства ООО «Принт».
400120, Волгоград, ул. Кузнецкая, 71а.
Тел./факс: (8442) 94-44-80, 93-13-53

ПАВШУК
Владимир
Алексеевич

Родился в 1949 году.
Профессиональный журналист.
Работает в газете
"Сельская новь" Дубовского
муниципального района
Волгоградской области.
Автор книг: "Последняя война",
"Никто, кроме нас", "Не боги
горшки обжигают". В разные годы
публиковался также в сборниках
прозы и поэзии волгоградских
авторов.